

Татьяна Сорокина

ОСОБНЯКОМ

Книга вторая

Татьяна Сорокина

Особняком. Книга вторая

<https://litres.ru/73550649>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга цикла «Особняком» открывается триптихом повестей.

Внезапная смерть матери обрушивается на юную душу непоправимой катастрофой. А поспешная женитьба отца на фоне ещё не остывшего пепла утраты и вовсе выбивает почву из-под ног, рождая в сердце едкие подозрения в предательстве. Узнав горькую правду, Рита решает отомстить...

Зверь, что дремлет в глубине души, может быть свирепым, но и покорным воле. И даже когда жаждешь разорвать врага в клочья, в сердцеvine твоего естества остаётся нетронутая обитель для прощения. Оставшись в одиночестве, Алика получает шанс начать жить заново. Ведь даже после самой страшной грозы на прояснившемся небе всегда появляется солнце.

Если принц на белом коне проскакал мимо, значит, судьба готовит для вас иной сюрприз. Молодая журналистка Анна по роковой случайности попадает в автомобильную аварию. Вернувшись к жизни, она сталкивается в собственном сознании с человеком настолько загадочным, что дальнейшее знакомство с ним предопределяет всю её судьбу.

Содержание

Мимоза	4
1. Рита	5
2. Вера Павловна	10
3. Новый друг	22
4. Студентка	34
5. Предательство	42
6. Пустота	57
7. Месть	83
8. Начало игры	102
9. Мимоза	124
10. Сбой программы	144
11. Знание – сила	156
12. Возвращение	159
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Особняком. Книга вторая

Мимоза

Доля утешения: разделить свою скорбь со многими.

Сенека

Ты схоронил, кого любил, ищи, кого полюбить!

Предки установили для женщин один год скорби —

не затем, чтобы они скорбели так долго, но чтобы не скорбели дольше.

Сене

1. Рита

Металлическая дверь ухнула, ударившись о косяк, и в подвал старого здания, в комнату, освещённую лишь узкой прорезью окна, похожей на ластик стирательной резинки, шагнула девушка. Её чуть детское миловидное лицо с огромными серыми, как зимнее небо, глазами обрамляли пепельные волосы. Во взгляде незнакомки – ни искры юности, лишь тихая бездонная печаль, понятная, казалось, лишь ей одной. Она скользнула взглядом по убогой обстановке: стойка ресепшена, щербатый стол со старенькой стереосистемой и таким же повидавшим виды компьютером, одинокий стул и небольшой шкафчик с ячейками для ключей, похожий на старый склеп. Спёртый воздух подвала, тяжёлый от сырости, даже затхлости, вызывал тошноту. Слева от входа, в глубине ниши, чернел узкий коридорчик, откуда доносился тяжёлый рок и лязг падающего железа. Рядом с окном, на стене, тускло поблескивала глянцевая рекламка, прилепленная наспех и кое-как. В общем, ничего примечательного, ничего такого, что зацепило бы взгляд человека, пришедшего сюда в первый раз. Правда, с приходом незнакомки воздух заблагоухал ароматом малины и ещё чего-то цветочно-сладкого, однако густая, пропитанная сыростью атмосфера быстро поглотила мимолётное дуновение свежести. В комнате вновь воцарился привычный запах затхлости.

У стены, за небольшим столом, уткнувшись в монитор, сидел парень в огромных наушниках на полголовы. Ничего не слыша, он играл в компьютерную игру, его пальцы в бешеном ритме порхали над клавиатурой, едва касаясь клавиш. Парень настолько погрузился в виртуальный мир, что не заметил вошедшую. Лишь, когда девушка облокотилась на стойку, юноша, уловив движение краем глаза, резко вскочил и в одно мгновение сдёнул с головы наушники.

– Добрый день! – выдохнул он испуганно, но, увидев перед собой девушку, заметно расслабился. – Начальник не любит, когда я в стрелялки режусь, – пробормотал он, оправдываясь.

Повернув ручку на стереосистеме, чтобы приглушить музыку, гремевшую из тренажёрного зала, отчего лязг железа зазвучал ещё оглушительнее, парень выпрямился и с недоумением уставился на посетительницу, ожидая вопроса. Но девушка молчала, она смотрела на него своими огромными серыми глазами, не говоря ни слова.

– Боюсь спросить, – неуверенно начал он, – вы в тренажёрный зал записываться?

Незнакомка едва заметно кивнула.

– Просто, знаете... у нас тут... Если помягче выразиться, не совсем... – парень замялся, подыскивая подходящее слово, – совсем не гламурно. Думаю, вам это вряд ли подойдёт. Девушка вновь кивнула в ответ.

– Ладно, уговорили. Раз так, покажу вам зал, – выпалил

парень, словно оправдываясь. – У нас, прямо скажем, бюджетно. А если годовой абонемент возьмёте – ещё скидку получите. Правда, вода в душевых едва тёпленькая идёт, – он смущенно усмехнулся и тут же осекся. – А в женской... там вообще душ сломан. Временно, конечно, сломан, – выдохнул он. – Но, если честно, то девушки к нам не часто заглядывают, и женской душевой как таковой у нас попросту нет. Раньше была, сейчас нет. Да и тренажёры старые, заезженные, по частям собранные. Вам лучше в другой клуб записаться. У нас тут за скромные деньги простые работяги железо тягают. К тому же вентиляция ни к чёрту... Воздух вроде и есть, но какой-то затхлый, болотный, не каждый сможет привыкнуть. Короче, вряд ли у нас вам понравится.

Девушка молча слушала его сумбурную речь, после чего, улыбнувшись одними губами, кивнула в знак согласия. Молодой человек заметно нервничал. С того момента, как незнакомка вошла, она не проронила ни слова.

– Ну, если настаиваете, покажу вам зал, – повторил он, беря со стола связку ключей.

Девушка утвердительно кивнула, потом открыла сумочку, висевшую на плече, достала сложенный вдвое листок и протянула парню.

На листке было написано: «Меня зовут Рита, я немая. Хочу приобрести годовой абонемент в ваш клуб».

Парень ещё раз пробежал глазами по написанному.

– Понятно... Ну и что с того? Зато вы вон какая краси-

ца! – выпалил он и тут же покраснел, но продолжил: – Меня зовут Иван. Я в универе учусь, здесь временно подрабатываю. Зарплата – смех один, зато тренируюсь бесплатно. Ну что, пойдёмте, Рита, покажу вам все красоты нашего клуба. Он небольшой, – улыбнулся он, – вся экскурсия минут семь займёт, от силы восемь.

Девушка улыбнулась и, порывшись в сумочке, достала блокнот и ручку, быстро что-то написала, оторвала листок и протянула парню.

– Беговая дорожка у нас точно есть! Даже две! – гордо ответил парень. – Одна, правда, сломана, но её обещали вот-вот починить. А вторая точно работает, почти не заедает. Так что бегать есть где. Идите за мной, я вам всё покажу.

Парень шагнул в полумрак коридорчика, и девушка последовала за ним.

Когда Маргарита вошла в тренажёрный зал, жизнь в нём на мгновение замерла. Воцарилась тишина, даже музыка стихла, готовясь к началу нового трека. Шесть застывших в пространстве фигур с недоумением уставились на гостью.

– Знакомьтесь, ребята, это Рита. Теперь она тоже член нашего клуба.

Музыка громыхнула, прорвалась сквозь динамики, и люди, придя в себя, зашевелились.

– Рита, если вам не нравится рок, мы можем ставить что-нибудь другое.

Но девушка отрицательно покачала головой и написала

в блокноте: «Нет, не надо. Рок – это круто в таком месте». Теперь Иван, улыбнувшись, утвердительно кивнул. Как он и говорил, смотреть действительно было почти не на что: зал маленький, раздевалка крохотная, оштукатуренные стены, пропитанные запахом сырости и пота, обшарпанные тренажёры – словно монстры из металлолома, и полуразвалившаяся беговая дорожка, гудящая, как паровоз. Но Рита не обращала внимания на недостатки. Она купила абонемент и с радостью вышла на улицу. Вдохнув свежий воздух полной грудью, девушка едва слышно прошептала: «Это как раз то, что мне сейчас нужно». Сунув карточку в карман джинсовой куртки, Рита зашагала к стоявшему неподалёку автомобилю.

2. Вера Павловна

Ритка Бабушкина боготворила свою мать. Сколько бы девушка ни напрягала память, она не могла вспомнить ни одного серьёзного скандала с ней, ни одного резкого разговора на повышенных тонах, ни одной грубости с её стороны, и это при её-то вспыльчивости и непомерном юношеском эгоизме. С отцом нередко случались стычки, а вот с матерью – нет, хотя, по фрейдовским соображениям, всё должно было происходить с точностью до наоборот. Вера Павловна, мать Маргариты Бабушкиной, работала врачом – детским хирургом-ревматологом. Работа специфическая, энергозатратная, не для слабонервных, не каждому под силу любить медицину и детей одновременно. Молодые мамы иной раз бегут из декрета на работу, ища передышку от детских капризов, Вера Павловна же, напротив, добровольно усадила себя в детскую клинику, чтобы большую часть своей жизни решать проблемы чужих детей.

«Кому-то же надо формировать мир будущего с самого рождения – терпеливо, без суеты, день за днём, без выходных и праздников, опираясь на величайшие достижения человечества. И кому как не нам, учителям и врачам, вкладывать в молодые головы знания, доброту, любовь и здоровый образ жизни?» – так говаривала Вера Павловна. Она считалась человеком дела, умея выделять главное, женщина ни-

когда не опускалась до мелких разборок. «Сколько человеку ни тверди «нельзя», любопытство рано или поздно возьмёт верх, жажда неизведанного окажется сильнее любого запрета – это я уж по себе знаю. А потому единственный разумный способ внушить какую-либо идею другому индивиду – это продемонстрировать её на собственном примере. На детей такой приём действует безотказно».

Риткин собственный опыт стал тому подтверждением, когда в пятилетнем возрасте, взбунтовавшись против поездки к бабушке, она закатила истерику и успокоилась лишь тогда, когда отправилась вместе с матерью на работу. В тот день Ритке Бабушкиной и открылся взрослый мир – мир её матери. За один день беззаботная Ритка повзрослела, и меж светлых, по-детски вздёрнутых бровей на гладком, упрямом лбу появилась тонкая вертикальная морщинка, сигнализирующая о серьёзности и упорстве её обладательницы. Едва переступив порог травматологического отделения, девочка, доселе подпрыгивавшая от восторга и крепко державшая мать за руку, замерла, поражённая увиденным. Вцепившись в руку женщины, она так и шла до кабинета «завотделением», не отпуская её, а навстречу ей по коридору шаркали, ковыляли, передвигались на костылях, укутанные в бинты и пластыри дети. В её глазах рябило от перебинтованных ног, рук, голов, носов – каждый оказавшийся здесь ребёнок имел свою печальную историю, свой диагноз, но всех их объединял не по годам взрослый взгляд, полный надежды и стремления по-

скорее выздороветь и вернуться домой. Желание стать здоровыми, как Ритка, – вот что читала девочка в глазах этих маленьких страдалцев.

– Ты уже большая, Рита, должна понимать: здесь плакать нельзя. Я говорила тебе, что у меня серьёзная работа, и что я спасаю детей, которые родились больными или пострадали из-за недосмотра взрослых. Но эти дети ни в чём не виноваты. И если не помочь им сейчас, завтра может быть поздно, – говорила мама, глядя дочери прямо в глаза. – Сейчас я иду на обход, осмотрю своих маленьких пациентов, потом у меня по плану две операции, а в два часа мы с тобой вместе пообедаем, – стараясь приободрить дочь, закончила она.

Но Ритка, казалось, ничего не слышала, она сжимала под мышкой коричневого кота по имени Котя, крепко держалась за руку матери, боясь её отпустить.

– Ну, хочешь, пойдём вместе? – спросила мама. – Я познакомлю тебя с детьми, ты им покажешь Котю. В детской комнате есть карандаши, альбомы, краски – порисуешь с ребятами. Хорошо?

Рите совсем не хотелось выходить в коридор к больным детям в бинтах, но оставаться одной в кабинете было намного страшнее, поэтому девочка кивнула, понимая, что рядом с матерью ей будет спокойнее. Через час, сидя в палате, она читала по слогам Лене и Свете про доброго доктора Айболита, который исцеляет зверей. Девочки лежали в кроватках с привязанными к ногам гирями и внимательно слушали сказ-

ку. Тут же, на стульчике, сидела маленькая Соня с марлевой повязкой, примотанной к уху, она всё время переспрашивала, и Рита специально для неё повторяла. С другой стороны, на коляске – Эля с худыми, как палки, ногами. Рита, не отрываясь, смотрела в книгу, ей было неловко перед остальными детьми – ведь у неё ничего не болело, ничего, даже живот. Она хотела вырваться отсюда, поехать к бабушке, гулять на улице с обычными, здоровыми детьми, но сказать об этом маме Рита не решалась, потому что сразу бы разрыдалась. А ведь маме нужно спасти детей, которым в сто раз больнее и страшнее, чем ей, и если не помочь им сегодня, то завтра может быть уже поздно, поэтому девочка сидела и читала вслух, сведя бровки к переносице.

Этим же вечером отец с матерью громко спорили на кухне по поводу того, стоило ли брать с собой на работу ребёнка, да ещё в отделение, где полно больных детей. Зачем было лишний раз травмировать психику девочке.

– И заметь, не чью-то психику, а психику родной дочери. Родного существа, – не унимался мужчина, шагая от окна к двери, разворачивался на пятках и шёл в обратную сторону. – Я не понимаю, к чему эти крайности? Если есть вполне здоровая бабушка, которая с радостью присматривает за ней.

Женщина в ответ возражала, что лучше один раз окунуться в реальность, в которой живут люди, чем сто раз слышать о ней, ничего при этом не чувствуя. Отец же настаивал на конструктивном диалоге, на умении убеждать людей слова-

ми, экономя при этом время и нервы. Мама же твердила, что все эти разговоры с воображаемыми картинками – не что иное, как простая преподавательская демагогия, а не живая жизнь. В итоге отец в сердцах обозвал её циником, человеком без полёта мысли, обиделся и прервал разговор.

Ритка не знала, что такое демагогия и кто такой циник, но, проведя день в больнице, она поняла две вещи: никогда и ни при каких обстоятельствах не расстраивать маму и не капризничать по пустякам, потому как её время дорого – она спасает жизни детей. А после того как девочка увидела, как у трёхлетнего малыша пошла носом кровь и она, почувствовав её сладковато-металлический запах, повалилась набок, теряя сознание, уяснила: медицина, точно не её ремесло, хотя демагогом, как преподаватель-отец, Рите тоже быть не хотелось.

Вера Павловна познакомилась с Николаем Яковлевичем, отцом Риты, случайно. Два таких разных человека не должны были встретиться в этой жизни ни при каких обстоятельствах, они вращались на разных орбитах. Родители Веры – потомственные врачи, а родители Николая – преподаватели, поэтому Вера поступила в медицинский, а Николай – на экономический. Мать Николая с детства видела в сыне профессора экономики, да и сам парень был не против, история и финансовый менеджмент ему нравились, а именно эти предметы и изучались на его специальности. Вера же хотела спасти людей, поэтому её выбор был очевиден. Одно объеди-

няло этих двух, по существу, разных людей – любовь к чтению. Вера, погружаясь в книгу, вырывалась из мира ответственности, дисциплины, порядка в мир романтики и сказок со счастливым концом. Николай же, читая, оказывался в мире приключений, страстей и свободы, всего того, чего ему не хватало в повседневной, обыденной жизни, наполненной цифрами. Большинство молодых людей не заставишь читать, у них не хватает времени для этого, но эти двое обожали книги. Настоящие, бумажные, с шелестом страниц и с запахом типографской краски. При этом им казалось, что они держат в руках не бездушные электронные копии, состряпанные наспех, а маленькие мирки с их многочисленными героями, про которых они читали запоем.

Как-то вечером, возвращаясь с учёбы, Вера, сиганув по тротуару, успела вскочить в отъезжающий троллейбус. На улице припустил мелкий дождь, и девушке совсем не хотелось мокнуть на остановке в ожидании следующего «рогача» с восьмёркой на лобовом стекле. Пройдя в середину салона, она уселась на свободное место и обнаружила на сиденье рядом забытую кем-то книгу. На обложке надпись с красивыми вензелями: М. Булгаков и название «Мастер и Маргарита». Она взяла роман в руки, посмотрела по сторонам, но пассажиры, вяло качающиеся в троллейбусе, никак не отреагировали на данный факт. Полистав книгу, девушка обнаружила на последней странице штамп библиотеки, хозяин наверняка станет искать её, поэтому она решила отдать книгу води-

телю, но чуть позже. Ехать было далековато, и чтобы скоротать время, Вера открыла первую страницу и погрузилась в чтение, пока накренившийся на один бок троллейбус тащился по городским пробкам. Перелистывая страницу за страницей, она не замечала: как входили, выходили люди, то и дело подсаживаясь к ней, как, протискиваясь сквозь толпу кричала женщина-кондуктор требуя оплату за проезд, как, то трогаясь, то притормаживая нерасторопный «рогач» заметно скукоженный вправо, громко сигналил, подрезавшим его машинам.

Девушка слышала о романе, смотрела фильм, но произведение вживую до сих пор не читала, ей хотелось узнать, насколько экранное воплощение соответствует замыслу автора. Погрузившись в сюжет с головой, Вера так увлеклась чтением, что едва успела выскочить на своей остановке, напроць позабыв вернуть находку водителю. Тогда-то она и решила: отнесёт книгу в библиотеку сама, но только завтра, а сегодня вечером дочитает её до конца. Она так и уснула, прижимая книгу к груди. Весь следующий день мысли Веры были заняты историей о всепоглощающей любви, о женщине, заключившей сделку с самим дьяволом ради встречи с возлюбленным. Именно эта сюжетная линия зацепила её сердце больше всего. Едва дождавшись вечера, девушка поспешила в библиотеку, чтобы узнать адрес владельца и собственноручно вернуть ему книгу. Ей не терпелось поблагодарить его за подаренное удовольствие и, если повезёт, обсудить про-

читанное. Вот тогда-то Вера и познакомится с Николаем Бабушкиным, высоким кареглазым юношей с тонкими аристократичными чертами лица и не к месту пухлыми губами. На следующий день Николай принесёт Вере новую, пахнущую типографской краской, книгу «Мастер и Маргарита» с надписью на титульном листе: «С Верой в любовь...», где слово «вера» будет удачно заменено именем девушки.

С этого дня у молодых людей начнётся другая жизнь: вечерние прогулки с душевными разговорами, ночные чтения, недосыпы, прогулы в институте, а доучившись, они поженятся. Через два с половиной года у них родится девочка, и, не сговариваясь, молодые родители назовут её Ритой. Так на свет появится Маргарита Николаевна Бабушкина – плод любви и яркое напоминание о необычном знакомстве. Ритка намного позже узнает, что её нарочно назвали в честь главной героини романа Булгакова – Маргариты Николаевны. Обычный читатель, услышав такое сочетание имени и отчества, вряд ли вспомнит, где его слышал, а вот Ритка Бабушкина знала наверняка, откуда оно пришло.

Во второй и последний раз в отделении у матери Рита побывает, когда ей исполнится девять. В школе начнётся недельный карантин по гриппу, и Вера Павловна, не успев пристроить девочку к родственникам, возьмёт её с собой на работу. Своё предыдущее посещение больницы Ритка ещё помнит и не особо горит желанием вновь оказаться в подобном месте, но выбора нет, поэтому, сунув кота Котю в рюкза-

зак, она отправляется вместе с матерью в травматологическое отделение, где снова попадает в мир детской боли со своей неспособностью помочь кому-либо. Но одно она усвоит твёрдо: не нужно мешать маме. Сняв шубу и крепко прижав Котю к себе, Рита без лишних напоминаний направится в детскую комнату, не желая тратить драгоценное время на бестолковые уговоры. В девять лет она уже будет считать себя взрослой.

Именно в этот день Маргарита Бабушкина совершит свой маленький подвиг: она подарит любимого Котю пятилетней девочке, прикованной к постели после страшной автомобильной аварии. Её вместе с матерью вытащат из груды искореженного металла. У девочки – перелом таза, у матери – позвоночника. Женщину прооперируют, доставят в реанимацию и кучно утыкают капельницами. Девочка же вторые сутки будет плакать и звать её. Рита случайно забредёт к ней в палату, перепутает дверь, но, увидев, с какой тоской девочка с опухшими от слёз глазами посмотрит на игрушку в её руках, Рита не выдержит и, скрепя сердцем, положит Котю на одеяло рядом с ней. Девочка тут же схватит игрушку обеими руками, прижмёт к себе и, уткнувшись в мордочку, улыбнётся. Ритка, расстроенная собственным поступком, тихо прошепчет: «Знакомься, это Котя. Котофей. Теперь он твой друг». Ком сожаления подступит к горлу. Ритка, чтобы не разреветься, больно прикусит нижнюю губу и, в последний раз взглянув на коричневого пузатого друга, развернёт-

ся и быстрым шагом выйдет из палаты.

Этим вечером Ритка будет тихо плакать в подушку, вспоминая Котю, который был её другом целых пять лет. Плюшевого кота ей подарил отец, когда ей исполнилось четыре. Он привёз его из-за границы, такого мягкого, красивого и тёплого. Ритка сразу полюбила его, привязалась и повсюду таскала с собой. Она делилась с ним новостями, услышанными от взрослых, шептала в торчащее кверху ухо свои маленькие секреты, укладывала с собой в постель и нисколько этого не стеснялась. Мягкая игрушка заменила ей настоящего живого котёнка. А теперь у неё попросту не стало друга. Ритка в одночасье осиротела, осталась одна. Совершенно одна.

Вечером, не находя слов, Вера Павловна гладила девочку по взъерошенным волосам, шептала тихо, но взволнованно: «Ты моя умница, Рита. Я бы поступила так же. Она ведь совсем одна в борьбе со своей болезнью, а теперь у неё есть поддержка – маленький, но верный друг». Но Маргариту это мало утешало – теперь у неё не было друга, любимого друга Коти. И как теперь быть ей? Этой ночью не спали все, даже отец. Уже следующим вечером мама принесла домой живого котёнка – шоколадного британца с синими глазами и тёмно-коричневым блестящим носом, похожим на кожаную пуговку. У неё на работе пристраивали котят в хорошие руки, и Вера Павловна купила его за символический пятак. Котёнок был двухмесячным, пухлым, круглоголовым и еле передвигался на коротеньких ножках. Отец, увидев это плюше-

вое чудо, воскликнул: «Вера, а давай назовём его Бегемотом! Раз уж он такой шоколадный. Вырастет, разжиреет и станет мини-копией настоящего бегемота – таким же брюхатым и коричневым... Он и сейчас-то вылитый бегемотик, только в миниатюре! Ну, посмотрите, разве я не прав?» – «Бегемот? – переспросила, улыбаясь, мама. – А давай! Рита, как тебе имя Бегемот, Мотя?» Ритка, не мигая, смотрела на котёнка, она хотела назвать его Котей, точно так же, как старого друга, но тот мог ещё вернуться, а второго подобного ему уже не будет никогда. И тогда девочка, слабо улыбнувшись, произнесла: «Бегемот? Мотя! Да, да! Я согласна!» Вечером Рита, убаюканная тихим урчанием, и Мотя спали вместе, крепко прижавшись друг к другу. Во сне, обнимая мягкий комочек, Рита улыбалась. Грусть отступила перед внезапно навалившимся счастьем. У Маргариты появился новый друг – Мотя, настоящий британский кот.

Помнился Маргарите ещё один неприятный случай, связанный с мамой, которого она стыдилась до сих пор. Недовольная оценкой, она разругалась с учителем истории, упрекая её в некомпетентности, и родителей на следующий день вызвали в школу. Пришла мама. И когда Маргарита громко, срываясь на крик, стала доказывать свою правоту, тыча пальцем в учебник, Вера Павловна поднялась и тихо произнесла: – Я не разделяю позицию своей дочери, Эмма Петровна. Простите, не сумела воспитать в ней должного уважения к старшим. Это послужит мне горьким уроком, – проговори-

ла женщина и тихо вышла из класса. Вера Павловна искренне верила: ребёнок – словно губка, впитывает все поведенческие привычки родителей. И никакие нравоучения, и наставления не изменяют его манер, если перед глазами лень, грубость и неуважение. Маргарита, терзаемая стыдом, целый час проплакала в подъезде, не решаясь зайти домой, ей было жалко маму, которая столько сил вкладывала в неё, в работу, а Ритка, не задумываясь, подвела её. Мама бы никогда так не поступила. Тогда Рита искренне извинилась и перед учительницей, и перед мамой, в ней словно что-то надломилось, этот случай сделал её терпимее и внимательнее к окружающим людям.

3. Новый друг

Да и лучший друг Ритки Бабушкиной, который в корне изменил её внутренний мир, тоже появился благодаря маме. Григорий Потапов был одним из пациентов Веры Павловны. В свои четырнадцать он вместе с пацанами, играя в шпионов, почти каждый вечер носился по гаражам. Однажды, оступившись, он кубарем покатился с крыши и упал спиной вниз прямо на металлическое ограждение. В итоге получил перелом позвоночника в двух местах, повреждение центрального нервного ствола в районе поясницы, и как приговор – неподвижность ног и инвалидная коляска на всю жизнь. Так безжалостно прозвучал вердикт врачей. Но Вера Павловна думала иначе, она считала: если проводить реабилитацию настойчиво, неустанно, особенно в первые месяцы после травмы, то шанс вновь встать на ноги у больного есть. И у Гриши Потапова этот шанс был неплохим. Тем более что мочевой пузырь и кишечник функционировали самостоятельно. Она утверждала, что, согласно практике, чем ниже травма позвоночника, тем больше вероятность того, что ребёнок будет снова ходить. Но если спинной мозг повреждён в районе шеи, то, как правило, шансов на то, что пострадавший встанет на ноги, почти нет. В эти слова и верила мать Григория.

Она работала с Верой Павловной в одной больнице и знала, что та – хирург и детский врач от Бога. Да и сама Вера

Павловна, проведя сложнейшую операцию, всей душой привязалась к Грише. Она частенько навещала его, практикуя инновационные методы лечения, которые, как показывали результаты, в большинстве случаев помогали больным подняться на ноги. И после каждого такого визита всё семейство, заряжаясь неиссякаемой энергией врача, с новыми силами приступало к упражнениям, дыхательной гимнастике, массажу и медитациям, которые Вера Павловна лично начиняла на диск. Она верила: пока не сдастся она, не сдастся и мать Гриши, да и сам он будет отчаянно бороться, надеясь на чудо. А без упорства и всепоглощающей веры в лучшее любую болезнь победить практически невозможно.

Ритка сама вызвалась отнести мазь, изготовленную тибетскими врачами на основе отвара горных лечебных трав. О целебном средстве Вера Павловна узнала из статьи в интернете. С большим трудом отыскала клинику, сделала заказ и после невероятных усилий выбила деньги на оплату редкого лекарства. И в этот раз Вера Павловна одержала победу над косной системой, не желающей меняться ради единичных случаев. Любой свой практический навык, приносящий пользу, она ставила на поток, а полученные результаты тут же публиковала в СМИ, чтобы к её наработкам могли прибегнуть другие. Вера Павловна и в этот раз надеялась на благоприятный исход. Мазь, благодаря своему уникальному составу, стимулировала и раздражала нервные окончания, делая её незаменимой при массаже и иглоукалывании. Сегодня

после ночной смены она просто валилась с ног, но откладывать лечение даже на один день было не в её правилах. Поэтому Ритка, вооружившись мазью и подробной инструкцией, отправилась в соседний двор по указанному адресу. Такая помощь ничуть не тяготила её, наоборот, доставляла радость. Да и вообще, любая помощь, оказанная матери, приносила Ритке неподдельное удовольствие, даже нелюбимое мытьё посуды. Она перетянула на себя все мелкие работы по дому, чтобы у мамы после ночных смен оставалось хоть немного времени для отдыха. Вера Павловна совсем не думала о себе, поэтому о ней заботилась Ритка.

Подойдя к нужной двери, Рита позвонила в звонок. Дверь ей открыла невысокая миловидная женщина с бледным лицом и красными, опухшими глазами.

– Здравствуйте. А Григорий Потапов здесь живёт? – спросила Рита.

– Здесь, – словно очнувшись от печальных мыслей, ответила женщина.

– У меня к нему дело, я могу войти?

– Конечно, проходите, – ответила женщина и, тут же оживившись, крикнула: – Гриша, к тебе пришли!

В коридор выкатился парень на коляске. Увидев Риту, он прямо вспыхнул, щёки его загорелись, сердце в груди бешено заколотилось. Парень, оперевшись на ручки кресла, чуть не вскочил на ноги, чтобы взять у неё пальто и повесить на плечики, но, вспомнив, что неходячий, сразу как-то осел и

притих.

– Привет, Гриш, меня зовут Рита, Рита Бабушкина. Я дочка Веры Павловны, ну, твоего лечащего врача. Мама просила передать тебе мазь, присланную из Китая. Инструкция на русском есть, она внутри, – девушка, словно в подтверждение, сунула руку в пакет и достала оттуда файл со свёрнутым пополам листком. – Сама Вера Павловна позвонит вечером и объяснит, как ей пользоваться. А я что-то типа курьера, просто осуществляю доставку. Да и хотела, наконец, познакомиться, мама столько о тебе говорила.

Девушка протянула пакет с мазью Грише. Парень попытался было взять его, но, наклонившись вперёд, не дотянувшись, отчего смутился ещё больше. Потом он будет частенько вспоминать тот момент, когда, внезапно ощутив свои ноги от самых бёдер до кончиков пальцев, не встал. Побоялся. Окажись он тогда смелее, непременно вскочил бы на них. Но Рита, словно не заметив смущения парня, подошла к нему сама и сунула пакет в руки. А потом, без особых церемоний, напросилась на чай, потому что в квартире вкусно пахло печёным пирогом, а после – к Грише в комнату, чтобы обсудить компьютерную игру, в которой она никак не могла перескочить на седьмой уровень. Вот тут-то Григорий Потапов и раскрылся во всей красе. В компьютерных играх ему не было равных, это был его мир, только в нём парень мог бегать, прыгать и управлять гоночным автомобилем. С этого дня Рита и Гриша стали не разлей вода. Часами молодые

люди общались в мессенджере, обсуждая домашние задания или видеоигры. А после того как Рита познакомила Григория со своими друзьями, они стали чатиться в группах, обсуждая новинки игр и варианты их прохождения. Да и сама девушка частенько забегала к ним домой просто так, чтобы принести к чаю любимые пирожные Гриши. Ритка верила, что через три года парень встанет на ноги, как мама и обещала, потому как она без оснований ничего подобного не говорит. Ведь мама – человек слова.

Гриша тоже старался убедить себя в этом. Тело его до пояса излучало здоровье. Он заметно подкачался и мог легко передвигаться по комнате, пользуясь одними руками. Отец смастерил ему рядом с кроватью брусья, и парень часами заставлял ноги стоять, чтобы, наконец, почувствовать в них опору. По дому Гриша передвигался только на костылях, стараясь хотя бы на мгновения переносить вес тела на ватные ноги. У него это стало получаться недавно, но он не говорил об этом Рите и Вере Павловне, потому что в этот момент выглядел беспомощным и немощным, он даже мать просил выйти из комнаты, когда занимался ходьбой у брусьев. Это всё, чего он добился за три года, за три года усердного труда. В этом году поступать в универ, а он так и не начал ходить. Сколько раз он прогонял в голове тот день, когда они с пацанами решили сократить путь и пересечь пустырь по крышам гаражей. Сколько раз он катился по крыше, умело группируясь, и ни в одном воображаемом падении он ни ра-

зу не падал спиной на металлический заборчик. Почему в тот день всё случилось именно так? Он нервно бил себя кулаками по ногам, сквозь зубы шипя: «Это всё лишь дурацкий случай, дурацкий, нелепый случай. За что мне, Господи, столько страданий?»

Вечером в гости забежала Ритка, она залпом выпила чай, засунув разом две круглые печеньки в рот. Ей не терпелось рассказать Гришке последние новости. Случайно на столе у мамы она нашла чертежи ортопедических аппаратов, которые надеваются на ноги и держат их словно в тисках, а опираясь на костыли, неходячий человек сможет передвигаться на них на короткие расстояния.

– Вот что нам надо, – произнесла девушка и сунула чертежи в руки парня.

– Что это?

– Новые технологии, вставляешь ноги в корсет, помогаешь костылями и можешь передвигаться.

– А где мы их возьмём?

– Гуглила в инете, дорогие, гадство, мама, похоже, пробивает себе парочку в отделение. Ну, это ещё когда будет. Гриш, нам надо заработать деньги. Времени мало, скоро поступать, тебе ж на лекции ходить придётся, предлагаю написать небольшую детскую игру, что-то развивающее для маленьких. Доброе, хорошее, чтобы нравилось и родителям, и детям. Ну, что-то типа такого небольшого милого существа из космоса, допустим, с Марса, выкрасим его в оранжевый

позитивный цвет... Ладно, детали обговорим потом. В общем, оно попадает на нашу планету, миссию я ещё не придумала – ну, давай, в поиске друга, как у маленького принца, но говорит он на своём языке, придумаем какую-нибудь абра-кадабру. И ребёнок будет учить его русским словам, ну или английским. Создадим несколько миров: морской, речной, лесной с картинками животных, рыб, предметов, средств передвижения. Ребёнок, тыкая пальчиком во фрагмент, будет говорить своим голосом в микрофон его название, а то и целое словосочетание, например, золотистая рыбка с большим хвостом. И наш зверёк, запоминая, будет повторять выученную фразу голосом ребёнка. Как тебе идея?

– Рит, а ты не считаешь, что я на костылях буду ползать по универу, как черепаха? Ты вприпрыжку, а я тащиться за тобой.

– Ну, это же временно.

– Ты вот правда считаешь, что я смогу ходить? – со злостью спросил парень.

– Ну, мама же сказала...

— Что сказала мама... Она сказала, что максимум через три года я пойду. И что? Никаких изменений. Я с пятнадцати лет учусь дистанционно дома, почти не выхожу, чтобы не быть жалким инвалидом в глазах людей. И ты думаешь, я буду ползать на костылях в... в... — парень схватил чертежи и прочитал: — в ортопедических аппаратах?! Рита, я прикован к инвалидной коляске навсегда, и с этим пора смириться!

Ритка даже села на кровать от такого крика отчаяния.

— Я хотела помочь. Я хотела поступать на радиотек с тобой. С тобой вместе. Вдвоём мы с тобой придумаем...

— Ничего мы, Рита, не придумаем вдвоём, — произнёс парень, бросая чертежи на стол, — я устал бороться, просто устал, я хочу побыть один. В своей беспечности виноват я один, и мне одному расхлёбывать эту ситуацию.

— Но мы же друзья, Гриша.

— Рита, иди домой, уже поздно. Я устал и хочу спать.

Ритка медленно встала с кровати, положила на стол скомканный листок бумаги с детским рисунком и, притворив за собой дверь, вышла из комнаты. Когда захлопнулась входная дверь, парень подкатился к столу и взял рисунок. На листке детской рукой с огромной любовью был нарисован оранжевый, то ли котёнок с большой головой, то ли колобок с ушами, а под рисунком детским почерком было выведено: «Котя». Гриша швырнул рисунок обратно, рядом с чертежами, и крикнул в пустоту:

— Мама, набери ванну! Дико хочу помыться!

Рита вернулась домой опустошённой. Всю дорогу она думала, а что если Гриша и вправду никогда не встанет на ноги, она ведь никогда не думала о таком исходе. Она слепо доверяла матери и не допускала иного варианта.

— Привет, Ритёнок, чего такая смурная? — Мама коснулась губами её лба и мягко подтолкнула к ванной. — Умойся да идём обедать, отец задерживается. Я отбивных нажа-

рила с картошечкой, а на десерт сырники затеяла — уже час с творогом воюю.

— Мам... — голос Риты дрогнул, в нём затаилась хрупкая надежда, отравленная страхом. — Скажи честно: ты и правда веришь, что Гриша через три года встанет? Или просто... успокаиваешь его?

Вера Павловна от неожиданности села на стул, деревянная лопаточка для жарки застыла в руке.

— Конечно, верю. У него есть, пусть пока едва уловимая, но реакция в нервных окончаниях. Небольшая, но она есть, и этого нельзя терять. Нужны бесконечные тренировки и вера. Если бы я не верила, я бы готовила его к другой, совсем другой жизни.

В кухне потянуло гарью.

— Ох, вот и сырники мои сгорели! — Женщина, встрепенувшись, убрала сковороду с огня. — Одни угольки, даже голодный не позарится.

Сняв крышку, она без сожаления вытряхнула чёрную массу прямо в мусорное ведро.

— А что случилось? Откуда такие вопросы?

— Гришка больше не верит в чудо, мам. Он устал.

— Это нормально, он даже дольше продержался, чем я ожидала. Скоро я выбью для нашего отделения ортопедические аппараты, такие, что надеваются на ноги и туловище, чтобы ходить. Знаешь, как экзоскелет. Хочу заполучить два: маленький и средний, для подростков, ну и скидки для боль-

ных деток, чтобы они могли брать такие аппараты в рассрочку для домашней реабилитации. Да, передвигаешься медленно, зато мышцы работают, и человек, находясь в вертикальном положении, опять ощущает себя живым, начинает верить в выздоровление. Пока это всё дороговато, но я не сижу сложа руки, неустанно долблю министерство запросами на квоты и дотации для детей-инвалидов. Рит, ты даже не представляешь, какая это неповоротливая махина, но я пишу и требую ответа. Думаю, когда-нибудь им это надоест, и они сдадутся. Я не тороплюсь, у меня жизнь длинная. А с Гришей я поговорю. Ему нельзя опускать руки — я ведь обещала ему скачок в лечении за три года, а у нас ещё целый год в запасе. Вот тогда и поговорим о моей некомпетентности. Выбью ему чудо-аппарат — и он начнёт ходить. И ничего, что пока только с его помощью.

— Но ходить в аппарате — это ведь совсем не то, что ходить своими ногами. Мы его обманываем, — тихо проговорила Рита, уже зная, как отреагирует Гриша на мамину заてю.

— Нет, мы укореняем в нём веру. У него в голове — психологические блоки. Он считает себя обделённым, наказанным Богом, а это надо снять. Молодому человеку, который жаждет жить полной жизнью, так трудно перезагрузиться, перестать жалеть себя. А это необходимо. Все эти блокирующие программы — их надо отключить, понимаешь, Ритка?

Рита кивнула. Она снова верила маме — да и как было

не верить, если в ней горела нестигаемая, зажигающая всё вокруг уверенность в чуде.

— Значит, этим летом Гриша не будет сдавать вступительные вместе со мной? — спросила она, лишь чтобы заполнить тишину, втайне надеясь, что мама найдёт выход.

— Я буду отговаривать его, Рит. Ему сейчас не нужны новые психологические травмы, он погрузнет в них. Не знаю, что он решит в этом году, но в следующем он должен пойти в институт своими ногами. Если бы мне показали его раньше, мы бы не потеряли восемь месяцев, целых восемь месяцев впустую! Для растущего организма так долго оставаться без движения — настоящая катастрофа. Но прогресс есть, он может сидеть, немного передвигаться, опираясь на костыли. Пока за счет рук, но может! Ты ведь сама видишь.

Рита подошла и обняла маму.

— Мам, ты же поможешь ему? Он так нам верит.

— Конечно, Рита, я и ты — мы сделаем всё, что в наших силах. Вместе мы — сила! Главное — держаться друг друга. А вот знаешь, о чём я сейчас подумала? Если взять оставшийся творог и снова слепить из него сырники, то получится не спалить?

— Получится. Я помогу тебе, мам. Вместе мы точно — сила!

На следующий вечер Вера Павловна вновь делилась с Гришей планами, и в голосе её звенела та же непоколебимая, стальная уверенность. Говорила она об аппарате, об улучше-

ниях, о психологических блоках, о том, что иной раз год учёбы стоит отдать упорному физическому труду. Ведь нельзя бросать лечение, когда уже видны первые результаты — иначе всё придётся начинать с самого начала, с нуля.

— Гриша, милый, помоги же мне! Ты должен стать примером силы воли, примером борьбы. Ты сильный, ты справишься! Я верю в тебя.

Когда женщина ушла, дом погрузился в безмолвие. Притихшее семейство разбрелось по комнатам. Мать тихо плакала у окна, но в самой глубине её сердца теплилась надежда — упрямая вера в исцеление. Отец, потрясённый, безмолвно восхищался силой этой хрупкой женщины, не отступившей перед чужой бедой. А Гришу вдруг пронзило ясное и горькое осознание: пора перестать жалеть себя. Пора вытаскивать себя из этого кресла. Чужой человек борется за него, не щадя сил, а он, нюня, только и делает, что хнычет в жилетку, утопая в болоте собственной жалости. И когда мать заглянула к нему в комнату, чтобы позвать к чаю, то замерла на пороге. Сын, облокотившись подмышками на брусья, с лицом, искажённым невыносимым усилием, передвигал бесчувственные ноги с помощью верёвок, привязанных к запястьям, отчаянно пытаясь уловить в мёртвой тяжести мышц хоть малейший, самый призрачный намёк на опору.

4. Студентка

А Ритка всерьёз взялась за подготовку к поступлению в университет. Она выбрала направление «информатика и вычислительная техника» — её манила мысль самой создавать всю внутреннюю начинку программы, её душу. Рисовала она неплохо, но как заставить красивую картинку ожить, пульсировать кодом? Этому предстояло научиться. Постигнув теорию, она намеревалась научить всем фишкам и Гришу. Тем более первый курс — во многом повторение школьной программы, с этим справится каждый. А там, глядишь, Потапова возьмут экстерном на второй курс. Отец её выбору решительно воспротивился. Какая это профессия для молодой девушки, до сих пор равнодушной к компьютерам? Он — заслуженный преподаватель, профессор экономики, декан — всегда мечтал, чтобы дочь пошла по его стопам. Но Маргарита, ещё учась в школе, уже хорошо понимала, что такое демагогия, и не собиралась посвящать свою жизнь какой-то призрачной добавочной стоимости.

Вера Павловна даже не пыталась уговаривать дочь подавать документы в медицинский — она прекрасно знала: Риту мучило от одного запаха крови. Даже во время месячных девушка частенько оставалась дома, прикованная к постели. «Какой же из неё врач, скажите на милость? Да никакой!» — мысленно вздыхала Вера Павловна и потому всей душой

поддерживала Риту в любых её устремлениях. А Николаю Яковлевичу она тихо, успокаивающе нашёптывала: «Не поступит — так пойдёт к тебе на факультет. Чего раньше времени воздух сотрясать?» После таких слов он немного оттаивал, в глубине души лелея надежду именно на такой поворот событий. Но Рита Бабушкина, вопреки всем ожиданиям, поступила на радиофак — и сразу на бюджет.

И первого сентября молодая сероглазая студентка первого курса в мешковатой одежде без лишних церемоний отправилась в универ. За два года знакомства с Гришей Рита переродилась: из беззаботной девчонки с бантами — в серьёзную, сосредоточенную личность, которая знала, чего хочет, и понимала, как этого достичь. Остальные девичьи заморочки её не интересовали вовсе. Повальная наклейка ресниц, штампование бровей, дутые губки — вся эта мишура её не прельщала. Тратить столько времени на то, чтобы быть как все, девушке не хотелось категорически. «Я этим займусь на пенсии, когда времени будет вагон», — говорила она подругам, пресекая всякие попытки втянуть её в бесконечный марафон красоты.

Ритка и без всего этого была красавицей. Русые волосы, большие серые глаза, обрамлённые густыми ресницами, выразительные брови и глубокий вдумчивый взгляд — всё это придавало её лицу живости и индивидуальности. Такое лицо трудно забыть. К одежде подход тоже был простым — удобно, свободно, неброско. Когда Маргарита пришла на выпускной

в голубом платье с открытой спиной и руками, на высоких каблуках, с заколотыми наверх локонами и густо накрашенными ресницами, половина мужского населения в этот вечер потеряла дар речи. Рита и сама знала, что она красавица, ей хотелось предстать перед Гришей в этом платье, с этой причёской, чтобы он понял, кого оттолкнул, но ей было стыдно за одни только мысли об этом. Гриша же Потапов к этому времени, узнав на сайте лица дату Риткиного выпускного и отыскав в соцсетях инстаграм её одноклассницы, уже пересмотрел все фотки и видео с выпускного и, сейчас переставляя ватные ноги вдоль брусьев, заставлял себя идти, глотая слёзы. Эта неземная красавица была не для него.

Учёба поглотила Ритку Бабушкину с первых дней и целиком, появились новые друзья, новые поклонники, новые проекты. Она стала любимицей в группе. Девочек поступило немного – всего три, она и ещё две невзрачные очкастые отличницы, но Рита дружила с ними. Ей они нравились. Ежедневная многочасовая загруженность не позволяла Рите бывать у Гриши часто, поэтому они общались в основном по скайпу. Ритка рассказывала последние новости, фотографировала и сбрасывала интересные лекции, нередко просила решить или растолковать непонятные ей задания.

Гриша с готовностью откликался на все её просьбы, она была его тонкой связью с внешним миром, которую он не хотел терять. Он читал лекции, искал в интернете дополнительный материал, изучал доступные в ютубе программы. Упро-

сив отца купить ему вебинар по созданию компьютерных игр на базе Unity, он вечерами проходил обучение дистанционно, общаясь с преподавателями по компьютеру. Курсы шестимесячные, по окончании – создание макета своей собственной игры, её защита и получение сертификата о прохождении обучения. Днём физкультура, массаж, плавание в бассейне, которое организовала ему Вера Павловна, изучение лекций Риты, а поздно вечером учёба по созданию компьютерной игры. У парня совсем не оставалось времени, чтобы жалеть себя.

Зимнюю сессию Ритка сдала досрочно, летнюю – в срок, отработав месяц практики на кафедре, она вместе с девчонками из группы укатила на три недели в Сочи на поезде. Вернувшись, Рита тем же вечером отправилась в гости к Грише, она привезла ему небольшой камень с дырочкой на гладком чёрном шнурке – куриного божка, найденного на песчаном берегу, и к чаю чурчхелу – сладость из нанизанных на нитку орехов, покрытых сверху горячим сиропом из муки и гранатового сока. Рите нравилось это лакомство, и она хотела непременно угостить им Гришу. Когда она зашла к нему в комнату, то не сразу узнала его, внутри него поселилась какая-то загадка. Он непринуждённо шутил и весело смеялся. Ему нравилось всё – и чурчхела, и камень на нитке, который он тут же надел на шею. В нём определённо произошли изменения, но девушка не понимала какие.

– Рит, знаешь, я тут на днях ходил в аппаратах, ну пом-

нишь, твоя мама говорила о них. Мы приехали в больницу, и их надели на меня. Рита, представляешь, я ходил сам, без посторонней помощи. Правда, как робот, медленно и только прямо, но сам. Я даже на мгновение почувствовал себя здоровым. Твоя мама волшебница, она святой человек. Вера Павловна через администрацию города выбивает ещё пять ходунков, тогда я смогу ходить в них чаще. Она сказала, что будет привозить мне их для занятий на дому.

У Ритки накатились слёзы на глаза, мама сдержала слово, мама поставит Гришу на ноги.

– Ты молодец, я знала, что ты сможешь, я верила, – тараторила радостная Рита. – Ты сильный, ты справишься.

– Это твоя мама молодец, это она вселяет в меня надежду и веру. И давайте-ка обойдёмся без слёз, предлагаю выпить ещё по кружечке чаю и доесть эту сладкую штуковину, у которой название настолько чудное, что и не запомнишь.

После летней конференции, проходившей в Москве, где от Уральского университета успешно выступал с докладом Риткин отец, его старый школьный друг пригласил Николая Яковлевича на работу в столицу, в лучший вуз страны с выездными научными конференциями в Англию. Профессор Бабушкин в совершенстве знал английский и свободно говорил на нём и писал статьи, изучать он его начал ещё задолго до рождения, в утробе матери, когда она беременной преподавала язык в университете. Нынешняя работа приелась Николаю Яковлевичу, а возникшие перспективы и значитель-

ное повышение оклада непреодолимо влекли его. И он согласился на переезд, несколько теряя в должности, но он надеялся на то, что в ближайшем будущем вернёт упущенное и снова станет деканом факультета. Когда Николай Яковлевич во время ужина сообщил о своём новом назначении, в комнате воцарилась тишина. Две женщины с широко открытыми глазами смотрели на него, не зная, то ли радоваться, то ли горевать. У каждой было своё дело, которым они занимались серьёзно, были друзья, люди, нуждающиеся в них, и просто так сорваться и уехать в никуда ни одна из сидящих за столом не собиралась.

– Новость неожиданная, понимаю. Но я вас не срываю с места. Первым поеду в Москву сам, сниму подходящее жильё, устроюсь, притрусь на работе, а там и решим, как быть дальше. Я засиделся на одном месте, давно уже нужно было что-то менять. Так что, девчонки, не паникуйте, у вас есть время подумать и смириться с этой мыслью, – смеясь, закончил мужчина. – Надеюсь, у меня всё получится на новом поприще, и вы тоже рискнёте и решитесь на перемены.

Ритка выдохнула: ехать не завтра, и это уже хорошо, а Вера Павловна вздохнула, ей совсем не хотелось, чтобы её любимый муж уезжал. Ей было не важно, где заниматься любимым делом, хоть на Северном полюсе, лишь бы лечить детей и быть рядом с мужем, но расстроило то, что её Коленьке не всё равно, где учить уму-разуму молодых студентов.

– Не надо вздыхать, девочки, встряска и перемены нуж-

ны всем, а мужчине в моём возрасте тем более. Возможно, это мой последний рывок в светлое будущее, моя лебединая песня, и я прошу поддержать меня.

– Коль, мы не против перемен, да ведь, Ритка? Просто ты решил всё сам, не посоветовавшись с нами.

– Вера, у меня совсем не было времени на раздумья, ты же знаешь, промедление смерти подобно. Я надеялся, что вы поймёте и одобрите мой порыв.

– Так и есть, просто в таком возрасте менять жизнь... Хорошо, давайте попробуем, – сдалась Вера Павловна, – в конце концов, мне всё равно, где оперировать. Раз ехать не сразу, то у меня будет время переадресовать больных другим специалистам, написать им программы восстановления – короче, дел полно, но они решаемы. Женщина повернулась к дочери и спросила: – Ну что, рванём, Ритка, покорять Москву?

– Будем думать, – ответила девушка. – Чего время торопить, может, у папы ничего не срастётся, и мы останемся жить здесь.

– Молодое поколение должно любить, ждать и искать перемен, – сказал мужчина. – Маргаритка, выше нос, нам ли быть в печали.

– Хорошо, пап, я начну готовиться к переменам, – ответила девушка.

Отработав две недели и передав все полномочия своему преемнику, Николай Яковлевич уволился и через неделю

уехал в Москву, а Вера Павловна и Рита остались доделывать и утрясать свои дела. Ритка не хотела переезжать, её расстраивало то, что мама так и не успела помочь Грише встать на ноги, и без неё он вряд ли вообще поднимется.

– Мам, а как же твои больные? Их реабилитация? Ты их оставишь?

– Рит, я буду часто звонить, иногда приезжать, мы же будем навещать твоих бабушек – вот и я навещу своих пациентов. Ты, наверное, беспокоишься о Грише Потапове, так я надеюсь его поднять на ноги до отъезда. Эх, Ритка, я бы с радостью осталась, но я так сильно люблю твоего отца, что не смогу спокойно работать, думая, как он и где он, – это выше моих сил. Вы моя поддержка, без вас я не такой уж и сильный, волевой человек, как многим это представляется. И если твоему отцу интересно попробовать себя на новом месте, если это его «лебединая песня», то я поеду с ним.

– Я понимаю тебя, мама.

– Да ничего ты, Ритка, не понимаешь, молода ещё. А в молодости о себе в основном думаешь.

После разговора Рита поняла – переезд неминуем, как и неминуем её перевод в другой институт.

5. Предательство

Начался новый учебный год. Гриша поступил на радио-фак и тут же перевёлся на заочное отделение, чтобы учиться на дому. Маргарита перешла на второй курс и приступила к учёбе. А Николай Яковлевич стал преподавать на новом месте. Поначалу он прилетал домой каждые две недели, потом раз в три, а на январские праздники он уехал в Англию на конференцию, один. Это был первый Новый год, когда Вера Павловна отмечала праздник без мужа. В начале февраля, когда он приехал на выходные домой, женщина заметила явные изменения в любимом муже. Новый взгляд, новый запах, новые слова в лексиконе, новый стиль в одежде и новая, незнакомая ей самовлюблённость, что-то еле уловимое, но явно чужое приехало с ним. Через неделю после отъезда Николай Яковлевич позвонил и сообщил, что до конца месяца не приедет домой, у него аврал на работе.

– Коля, у тебя появилась другая женщина? – просто спросила Вера Павловна.

В трубке замолчали.

– Это так? – снова спросила женщина.

– Вера, я понимаю, это нечестно по отношению к вам, но я, похоже, снова влюбился, – ответил мужчина. – Она внесла в мою жизнь новую струю. Она моя студентка – выпускница. Вера, извини, я знаю, что виноват, но я не искал перемен,

всё как-то само произошло, и я не устоял.

– Удачи тебе, Коля, – произнесла женщина и положила трубку.

С этого дня жизнь Веры Павловны перевернулась – из уравновешенного, уверенного врача она превратилась в нервную женщину, мучившую себя бесконечными упрёками. Она целыми днями с утра до вечера находилась в больнице, брала ночные дежурства. Вера Павловна, потеряв почву под ногами, жила на антидепрессантах, только так она могла уснуть ночью, а утром вытаскивала себя из кровати огромной дозой кофеина. Рита не видела особых перемен в матери, сдав сессию, она помогала Грише с зачётами, у заочников сдача экзаменов происходила намного позже, поэтому девушка приходила домой лишь переночевать. Но когда Вера Павловна, подхватив грипп, слегла в постель, только тогда Рита заметила на лице матери и худобу, и бледность, и тёмные круги под глазами. Ритка тут же принялась лечить её, накупила лекарств, сварила куриный бульон и брусничный морс. Она не могла припомнить, чтобы мама когда-либо болела, да ещё с такой высокой температурой. Градусник показывал пугающие цифры на шкале, и Маргарита несколько раз хваталась за трубку, чтобы вызвать скорую, но Вера Павловна всякий раз её останавливала, уверяя, что организм сам справится и что в больницу она не поедет, она сама врач и может лечиться на дому. Единственным существом в квартире, которое не страшилось гриппа, был кот Мотя. Он при-

ходил в комнату к Вере Павловне, забирался к ней на кровать и, пробираясь, укладывался на грудь.

– Мотья, ты тяжёлый, как бегемот, – смеялась женщина, – я не могу дышать, ты переломаешь мне рёбра.

Женщина снимала его с груди и укладывала рядом, но Мотя с настойчивостью и усердием карабкался обратно, отчего женщине приходилось переворачиваться на бок. Мотя недовольно мяукал и уходил жаловаться на несговорчивую пациентку Рите.

Провалилась Вера Павловна, гриппуя, в постели десять дней, за это время Рита Бабушкина появилась в институте пару раз, на практических занятиях. Немного окрепнув, Вера Павловна встала на ноги и тут же отправилась на работу. Плановые операции во время её болезни проводились, но сложные, к которым готовили пациентов под присмотром Веры Павловны не одну неделю, откладывались до её выздоровления. Родители, не желая рисковать, ждали её возвращения, наперёд зная, что она сделает всё возможное и невозможное, чтобы спасти их ребёнка. И Вера Павловна, чувствуя вину за потерянное время, вместо двух запланированных пациентов оперировала троих. Женщина часами стояла за хирургическим столом. Только там она не думала о предательстве, одиночестве и необходимости кардинальных перемен в своей собственной жизни.

Однажды за ужином, раскладывая по тарелкам только что сваренные вареники, купленные в магазине, Вера Павловна

неожиданно спросила дочь:

– Рита, а может, мы не поедem с тобой в Москву, а останемся жить здесь?

Сунув горячий вареник в рот, Ритка поперхнулась от услышанного.

– Мам, у тебя неприятности? Что-то случилось на работе? – спросила девушка, обжигаясь горячим тестом с грибами.

– Работы и правда много. Столько нужно всего успеть, столько доделать, не могу я всё бросить и уехать. Сейчас не могу.

– А папа как же? Он же надеется на нас.

– Он тоже живёт работой, мечтает наверстать упущенное, ему надо дать время, чтобы он или нашёл себя на новом месте, или вернулся.

– Мама, ты же говорила, что любишь и должна поддерживать, помогать ему.

– Люблю и хочу поддержать, но он должен сам определиться, что для него главное, а что нет. Поживём и увидим, как всё сложится, чего торопиться.

Ритка и сама хотела остаться в городе, она только нащупала то, чем хотела заниматься в жизни, избавилась от неуверенности и неопределённости в выборе профессии, а тут неожиданный переезд. Ей нравилось зависать в компах и писать проги¹, за ними она видела будущее, и способно-

¹ Компьютерная программа.

сти к этому у неё были, до мидла² она ещё не доросла, но джуном³ была стопроцентным, а тут ещё Гришка – лучший друг, разделял её страсть к компьютерам. Разве можно всё это оставить? Мама однажды в разговоре сказала одну простую вещь, которая запала Ритке в голову.

– Я часто общаюсь с современными детьми и вижу, что они совсем перестали читать книги, но как все дети, они не перестали верить в сказки и хотят видеть себя супергероями, погружаясь в компьютерные миры. Так почему нельзя делать добрые, познавательные и развивающие игры, вместо кровавых стрелялок, почему создатели игр не подходят к ним с такой же ответственностью, как писатели к созданию хороших книг. Ритка, обещаю тебе, что твои игры будут вытаскивать только самое лучшее из души ребёнка, – смеясь, говорила женщина, – и если ты создашь такую игру для больных детей, я первая стану выбивать из министерства деньги на её покупку.

Ритка смеялась, мотая головой:

– Хорошо, мамочка, эту до простоты гениальную идею я постараюсь воплотить в жизнь и написать крутую прогу. А пока я создаю только «Мобилки»⁴ с простым геймплеем⁵ и гейм-дизайном, правда с русским интерфейсом. Но я учусь,

² Программист среднего уровня.

³ Джуниор – программист начального уровня.

⁴ Подвижные, не статичный объект в компьютерной игре.

⁵ Компонент игры, отвечающий за взаимодействие игры и игрока.

так что начинайте копить лавэб⁶.

– Опять ты, Ритка, своими словечками козыряешь, просила же. Нормальный человек из твоей белеберды ничего не поймёт. А если я начну изъясняться на медицинском языке, а папа сыпать экономическими терминами, как мы будем понимать друг друга? Условились же дома говорить на языке Толстого, Достоевского и Пушкина, а ты опять скатываешься на свои компьютерные словечки.

– Всё, всё, вводим локдаун⁷ на IT- сленг, – смеясь, соглашалась Ритка, – больше не буду так говорить. Ты бы слышала наших пацанов на курсе, вот где краткость – сестра таланта. Мне такое не осилить, я, как девочка, использую самый минимум, чтобы просто быть в теме. Стараюсь говорить, как препода в универе, понятно и развернуто.

– И в кого ты у нас такая продвинутая? С виду тургеневская барышня вроде. Ладно, Рит, насчёт детской игры, ты мне почти пообещала, но пробивать бюджет начну по факту, а то мне ваши закорючки на бумаге не очень понятны, – улыбаясь, отвечала женщина.

После таких разговоров Ритка с новыми силами бралась за учёбу, она записывала свои идеи по созданию новой игры в особую тетрадь. Девушке хотелось, чтобы она была необычной, с интересной историей, новой архитектурой и стилизованной графикой.

⁶ Деньги, молодёжный сленг.

⁷ Строгий запрет на что-либо.

Даже через две недели после выздоровления Вера Павловна выглядела болезненно. Поначалу худоба делала её лицо точёным и аристократичным, теперь добавляла возраста и угрюмости. Щёки женщины впали, под глазами легли не проходящие тёмные круги. Вера Павловна стремительно теряла вес, словно жизнь реально покидала её тело. Сначала Ритка думала, что мама худеет к поездке в Москву, но через две недели происходящие перемены стали пугать девушку. Но Вера Павловна не разделяла опасений дочери, она полностью отдавалась работе – не высыпалась, забывала поесть, держалась на крепком кофе и энергетиках, стараясь заполнить внезапно возникшую в душе пустоту любимой работой.

Надев чистый халат, Вера Павловна отправилась в операционную в третий раз за день. Плечи ломило, а руки немели на весу, но операция предстояла несложная – перелом ноги, необходимо было вкрутить в кость несколько пластин, соединив её в единое целое, а после аккуратно зашить. Женщина сделала надрезы, собрала кость и вкрутила шурупы, оставалось зашить рану. Вера Павловна склонилась над швом, и вдруг на вдохе у неё резануло в груди, женщина, задержав дыхание, нагнулась вперёд и замерла. Боль не отпускала, не давала вздохнуть, следующий удар, словно током, пришёлся в левую лопатку, отчего пинцет с тампоном вывалился из рук. Женщина медленно выдохнула, тут же вдохнула, и боль сжала грудную клетку в тиски. Вера Павловна присела, подняла сощуренные от боли глаза и на выдохе прошептала:

– Шейте красиво, проверю...

Вдохнув третий раз, женщина повалилась на столик с инструментами, теряя сознание.

Когда Вера Павловна открыла глаза и сфокусировала взгляд на лице доктора, то услышала неутешительный диагноз:

– Ну что, голубушка, во время операции у вас случился инфаркт с внезапной остановкой сердца, совсем вы не бережёте себя, Вера Павловна. После гриппа и сразу такие нагрузки, а ведь сердце, оно не железное, вам ли не знать. Прокатаем лекарства, выпитесь, отдохнёте, вон какая худющая стали, потом витамины, в отпуск на месяц в санаторий. Сердце запустилось сразу, но вам лучше сейчас не напрягаться, а поберечь себя. Спать, есть и отдыхать.

Вера Павловна кивнула, соглашаясь с доктором, у неё болело всё: ноги, руки, шея, спина, словно поднимая огромный вес, она сорвала все мышцы разом. Риту пустили к матери поздно вечером, взяв с неё обещание, что никаких причитаний, упрёков, слёз – одним словом, никаких эмоций на протяжении всего разговора быть не должно. Девушка и сама это знала, она зашла в палату, поцеловала мать в щёку, села на стул у кровати, взяла беспомощно лежащую руку женщины в свои и прижалась к ней.

– Мам, выспишься, отдохнёшь, поправишь здоровье, а когда вернёшься, дома тебя будет ждать сюрприз.

– Сюрприз? – спросила женщина шёпотом.

– Сюрприз, – просто ответила девушка.

– Какой сюрприз?

– Приятный, мам, очень приятный, – улыбаясь, ответила девушка.

– Ритка, давай без самодеятельности, пугать меня нельзя...

– Я сделаю в квартире генеральную уборку и выброшу всё ненужное железо... в общем весь хлам из своей комнаты.

– Это и правда приятный сюрприз, – произнесла женщина, глядя девушку по волосам. – Рит, и не звони пока папе, не рассказывай о случившемся. А то сорвётся, придет...

– А вот и пусть придет, давненько опять не был. Работа, знаете ли, не волк...

– Я же гриппом болела, куда его-то ещё в эту эпидемию...

– Хорошо, хорошо, мама, ты только не переживай, хочешь, я тебе книгу новую куплю, пока лежишь – считаешь. Узнаешь, что новенького в книжном мире.

– Договорились, неси новую и прихвати книжку Булгакова, у меня на тумбочке в спальне лежит, старенькая такая, в чёрной обложке.

– Хорошо, завтра принесу сразу обе. Из продуктов что-нибудь купить?

– Нет, пока не нужно.

В комнату вошла медсестра, чтобы сделать укол.

– Мам, я пойду, ты ведь знаешь, меня мутит от всех этих медицинских процедур.

– Беги, Ритка, тогда до завтра, деньги в шкатулке, ну ты знаешь где. В магазин ходи, не ленись, не забывай есть, а то знаю я тебя. И Грише привет, скажи, вот сама на ноги встану и за него примусь.

Женщина улыбнулась, Ритка чмокнула мать и вышла из палаты. Вечером следующего дня о том, что Вера Павловна Бабушкина попала в больницу, знали все: родные, коллеги, друзья. С утра мать Веры Павловны примчалась в больницу с горячим куриным бульоном, а с обеда потянулась вереница родственников, сначала родители мужа, потом его сестра, вечером забежала мать Гриши, около девяти вечера позвонил сам Николай Яковлевич. Вера Павловна, сбросив звонок, быстро написала: «Мне душещипательные разговоры противопоказаны доктором, за поддержку спасибо, мне лучше, иду на поправку. Созвонимся позже».

Через неделю Вера Павловна, переступив порог дома, оказалась в другом мире, в коридоре поклеены новые обои, а Риткина комната зазеленела новой покраской.

– Ты и вправду удивила меня, дочь, – с восхищением произнесла женщина. – Квартира в идеальном порядке, а тут ещё и ремонт.

– Ну, я же обещала, – с гордостью сказала девушка, – но ты ещё не знаешь, что я приготовила на ужин.

– Неужели картошку с грибами? – догадалась женщина. Это было нетрудно. Запах жареной картошки она почувствовала сразу, как вошла в подъезд.

– Угадала, – улыбаясь, ответила девушка, выкладывая на тарелку горку из золотистых, соломкой порезанных картофелин.

Утром позвонил Николай Яковлевич, и Вера Павловна, сбросив звонок, села писать смс. Она не хотела говорить с ним, не хотела слышать его, не хотела показывать свои переживания срывающимся от обиды голосом. Писать смс казалось ей более лёгким способом общения в сложившейся ситуации.

– Не могу говорить, что-то важное?

– У меня дело к тебе, письмом долго излагать, хочу поговорить.

– Скажи в двух словах.

– Вера, мы взрослые люди, а ты ведёшь себя как дитя, я набираю... Переписываться, как школьник, я не хочу.

Снова зазвонил телефон, женщина, немного подумав, взяла трубку.

– Вера, здравствуй.

– Привет, – тихо проговорила женщина.

– Надеюсь, ты себя хорошо чувствуешь.

– Вполне, – коротко ответила женщина.

– Вер, у меня создалась безвыходная ситуация, а решить её более деликатно совсем нет времени. Будь у меня времени больше, я не стал бы беспокоить тебя сейчас, после недавней болезни...

– Давай ближе к делу, я уже отвыкла от твоих моноло-

ГОВ...

– Да-да. Вер, меня пригласили преподавать в Англию, ну, по программе обмена опытом... в общем, на год, – женщина молчала, и мужчина продолжил: – Мне предложили ехать не одному... Понимаешь? И я хотел взять с собой... – мужчина снова замолчал.

– Свою любовницу, – продолжила фразу женщина.

– В общем, да, но мы с Кариной хотели до отъезда пожениться. Вер, я послал экспресс-почтой тебе бумаги о разводе. Подпиши их, а? Я не претендую на имущество, отказываюсь от всего: квартиры, машины – это всё ваше, – возникла пауза. – Вер, ты подпишешь? Мы до отъезда хотели расписаться и приехать туда супружеской парой, – снова возникла пауза. – Извини меня, Вер, за прямоту, ты сама просила быть ближе к делу, так ты подпишешь документы?

– Подпишу. Подпишу, Коля, – твёрдо ответила женщина и положила трубку.

Сердце в груди женщины защемило, и она, взяв с тумбочки упаковку с лекарством, одним нажатием освободила из полусферы большую таблетку и сунула её под язык. Вера Павловна легла на подушку и закрыла глаза. За каких-то полгода вся её двадцатилетняя жизнь, со взлётами и падениями, со слезами и радостью, с прорывами и неудачами, была слита в унитаз. Таблетка под языком рассосалась быстрее обычного, не заглушив щемящей боли в груди. Вера Павловна достала ещё одну и снова сунула её под язык. Достав из тум-

бочки блокнот с ручкой, она стала что-то быстро писать на листке, который, вырвав, свернула пополам и сунула в книгу.

На следующий день курьер доставил Вере Павловне документы. Она долго не открывала пакет, но куда бы ни бросала взгляд женщина, яркий жёлтый конверт притягивал внимание. Выпив две чашки кофе для храбрости, женщина достала стопку аккуратно сшитых вместе бумаг из конверта и подписала их, не читая. Впопыхах оделась и помчалась на почту, боясь, что передумает в последний момент. И только когда запыхавшаяся женщина вернулась домой и легла в кровать с таблеткой под языком, она пожалела о содеянном, о том, что сдалась без боя, без истерик, без разборок – как поступила бы настоящая женщина, и по-человечески такая компульсивность⁸ оправдывала бы её. Но Вере Павловне такая буря эмоций казалась проявлением слабости. Да и что изменили бы её слезы? Только расстроили бы родителей и нанесли бы рану хрупкой душе Риты. Успокоившись, час спустя, она сухо написала: «Документы отправила. Можешь устраивать свою личную жизнь».

Николай Яковлевич позвонил через две с половиной недели. Его голос звучал торопливо и буднично:

– Вер, всё уладилось на удивление быстро – и развод, и свадьба. Визы готовы. Мы с Кариной сегодня вылетаем... Да, мы уже в самолёте... Вер, я пока ничего не сказал родителям, представил это как длительную командировку. Ты же

⁸ Склонность к повторяющимся, стереотипным поведенческим актам.

знаешь мою маму, она всё близко к сердцу принимает, сильно переживает. Пожалуйста, подожди немного, не говори им пока. Я вернусь, и мы вместе всё объясним. Всё как-то скомкано получилось.

– Слушай, Коль, а ты не обнаглел? Я устала от твоих закулисных игр и ничего больше скрывать не буду. Сегодня же поговорю с Ритой. Оставь меня в покое. Мы чужие друг другу люди... У меня теперь своя жизнь.

Она нажала на кнопку отбоя, чувствуя, как поднимается волна гнева. «Сама позвоню твоей матери, и пусть узнает, на кого ты меня променял! Нашёл же себе имя – Кариночка! Тьфу! Смешно и противно слышать это: Николай и Карина – словно столкнулись век прошлый и век нынешний».

Телефон зазвонил снова – Николай. «Трус», – прошептала женщина, сбросила вызов и, отбросив телефон на стол, глубоко вздохнула. Резкая боль из-под ребра ударила в лопатку, согнув женщину пополам. Вера Павловна замерла, затаив дыхание. Таблетки остались в спальне, нужно было опереться рукой на стену и идти, не вдыхая. Она знала: после этой стреляющей боли под лопаткой следующий вдох, который сожмёт грудь в тиски, может стать последним. Снова зазвонил телефон. Женщина изогнулась, дотянулась до него рукой. На экране, на фоне улыбающегося Николая Яковлевича, пульсировала красная мигающая трубка. Вера Павловна нажала отбой и вдохнула. Через три секунды ей пришло СМС-сообщение, которое женщина уже никогда не прочтёт. В этот

день соседи узнали, что в квартире Бабушкиных живёт громкоголосый кот. Несчастное животное почти двадцать минут отчаянно мяукало на весь подъезд и яростно скреблось в дверь. Но никто не знал, как помочь ему, телефон Веры Павловны не отвечал.

Когда Ритка вошла в квартиру, Мотя бросился ей под ноги, а потом метнулся обратно в комнату. Девушка последовала за ним. Увидев мать, лежащую на полу, она дрожащими руками набрала 103. Тридцать долгих минут до приезда врачей она делала искусственное дыхание человеку, которому уже ничем нельзя было помочь. А дальше Рита Бабушкина жила словно во сне, в кошмарном калейдоскопе ярких, врезающихся в память вспышек: бегающие люди в белых халатах, заплаканное лицо бабушки, лица родственников, полные скорби, гроб, много людей, мелькнувшее в толпе лицо Гришки, церковь, кладбище, отсутствие отца, лишь его бессвязные слова по телефону про какую-то командировку, отчего одиночество захлестнуло с головой, а дальше холмик с большим деревянным крестом, на фотографии улыбающаяся мама, море белых цветов, капли с ужасным запахом, комок в горле, который невозможно проглотить, и тяжесть в груди, которую невозможно выдохнуть.

6. Пустота

Ритка переехала к бабушке вместе с Мотей, единственным родным существом, которое из своенравного себялюбца превратилось в ручного домашнего кота. В квартире, где случилось непоправимое, ей было невыносимо оставаться одной. Её разум отказывался принимать, как молодая ещё женщина, щедро дарившая миру добро, могла так рано уйти из жизни. Это противоречило всем законам природы. Человек мог спасти за свою жизнь не одну сотню людей, почему ей это не было позволено? Кто вершит судьбы, отмеряя каждому свой срок? В девятнадцать лет остаться сиротой – где справедливость? Кто теперь её поддержит, даст совет, как она будет жить столько лет одна? В отчаянной попытке облегчить душу Рита однажды забрела в церковь, но, увидев скорбные лица молящихся женщин в чёрных платках, разрыдалась, выбежала на улицу и дала себе клятву – больше туда ни ногой.

Два месяца у бабушки пронеслись в тумане. Кое-как сдав сессию, Рита вернулась домой. В квартире никаких перемен, даже цветы живы, благодаря заботе бабушки. Мотя, словно ища кого-то, обошёл все комнаты, жалобно мяукая, а потом затих в комнате Веры Павловны. Он улёгся на её халат, свернувшись пушистым клубком. Все было, как прежде, только мамы больше не было... Ритку захлестнула безудержная вол-

на слёз, и бабушка, собрав небольшую котомку вещей, переехала жить к ней. Она хлопотала по хозяйству, готовила еду, заговаривала с Ритой, вытаскивая её из глубокой скорби по матери. Женщине и самой было нелегко – хоронить своего единственного дитя страшно для любой матери, но заикленность Риты на несправедливости судьбы, её слёзы, уходы в себя, заставляли женщину жить и тащить из лап одиночества свою единственную внучку.

Дни тянулись один за другим. Рита почти не выходила из своей комнаты, ей казалось, что вот-вот откроется дверь и войдет мама. Иногда ей даже чудился её голос, тогда она срывалась с места, выбегала в коридор и долго вслушивалась в тишину. Мотя неотступно следовал за Ритой по пятам, если садилась она, он тут же мостился ей на колени, если хотела прилечь, то кот пристраивался рядом, а если девушка тайком от бабушки рыдала в маминой комнате, Мотя лънул к её ногам, умоляя взять его на руки. Рита подхватывала кота, и они вдвоём, два осиротевших существа, оплакивали свою потерю. Девушка винила себя в случившемся. Будь она тогда дома, помогла бы маме. Уговори она её поехать в санаторий, возможно, трагедии бы не случилось. В памяти всплывали моменты, когда она была черства по отношению к матери, заставляя её сердце сжиматься от боли. Но таких случаев было немного. Её мать, проработавшая врачом всю жизнь, неплохо ладила с детьми, и недопонимания между ней и дочерью у них не было и быть не могло.

Усевшись как-то раз на мамину кровать, Рита взяла с тумбочки книгу в чёрной, чуть потёртой обложке. «Мастер и Маргарита» – любимая мамина книга. Открыв книгу, она прочла на первой странице: «С Верой в любовь», а ниже, знакомым почерком – Николай. Рита захлопнула книгу. Ей казалось, что отец ведёт себя необычно. Не смог вырваться на похороны, прилетел лишь на девятый день. Он словно отстранился от той жизни, в которой жил до переезда в Москву. «Ему, наверное, тоже тяжело, и он тоже винит себя», – подумала она, пытаясь оправдать его. Кот, устав тереться о ноги, прыгнул Рите на колени, и девушка, вздрогнув от неожиданности, выронила книгу из рук. Та, глухо стукнувшись, скользнула по паркету, и из неё выскочил сложенный вдвое лист бумаги. Рита развернула листок – это было письмо, написанное мамой и адресованное ей, Маргарите Бабушкиной.

«Ритка, ты у меня взрослая, умная девочка, понимаешь, что жизнь – штука непредсказуемая и может перевернуться с ног на голову в один миг. Я всё откладывала этот разговор, не могла подобрать нужных, правильных слов, поэтому решила написать. Когда ты, прочитав письмо, вернёшься из института домой, успокоившись, мы мирно поговорим обо всём. Скоро эта неприятная для меня история станет известна всем. Если коротко, то твой папа полюбил другую женщину, свою бывшую студентку, и попросил у меня развода. Документы он выслал почтой, я подпишу их. Конечно, мне обидно, я всё ещё люблю твоего отца и многим жертвовала

ради него, но я справлюсь с этой потерей, слышишь, Ритка, обязательно справлюсь – ведь у меня есть ты, любимая работа, эти детские глаза, наполненные надеждой, ждущие именно меня. По-своему я счастливый человек, Ритка, я занимаюсь своим любимым делом и благодарна Богу, что мне был дан шанс для этого. Кажется, я отвлекаюсь и начинаю жалеть себя, в общем, теперь я свободная женщина, хороший доктор, любящая мать, которой есть чем заняться в этой жизни. Отца не вини, у него тоже одна жизнь, и он хочет найти себя в ней. Вот вроде и всё сказала, теперь я готова к разговору с тобой, для этого купила бутылочку вина. Жду тебя дома как семейного психолога, как собутыльника и как любимую дочь».

Ритка ещё раз перечитала письмо, не веря тому, что читала. Развод? Другая женщина? Студентка? Почему она ничего не знала? Почему все молчали? Щелчок ключа в замке вывел её из оцепенения, хлопнула входная дверь. Рита быстро скомкала письмо и сунула его в карман, схватила книгу, положила её на тумбочку и, подхватив кота, выбежала из комнаты.

– Ба, Мотя просто не выходит из маминой комнаты, зову его, зову... пришлось искать.

– Рит, отпусти кота, зачем ты его на руках таскаешь? Он и без того разжирел, пока до кухни дойдёт, три раза полежит, и посмотри на себя – ты же вся в шерсти. Опять придётся одежду чистить. И на что такую волосатую животину в квар-

тире держать? Непонятно. Одной уборки вон сколько. Иди уже мой руки, пока я ужин разогреваю.

– Ба, а отец надолго в Англию? – спросила девушка, отпуская кота, который тут же растянулся на полу во весь рост.

– Да откуда мне знать, Вера про Англию особо ничего не говорила, она вообще в последнее время про отца твоего мало говорила, только то, что занят сильно да в начальники выбиться хочет. Вот чего ему тут-то не жилось, всё ведь было.

«Похоже, о разводе мало кто догадывается», – промелькнуло в голове у Риты. Она открыла холодильник, и взгляд её упал на одинокую бутылку саперави в дверце – мамино любимое вино. Весь ужин девушка едва сдерживалась, чтобы не выложить правду о письме. Теперь многое вставало на свои места: мамина худая, осунувшаяся тень последних месяцев, её тревожный намёк остаться здесь, не ехать в Москву... Всё это было не просто усталостью – это была тихая буря, о которой никто не знал. Не в силах больше терзаться догадками, Рита набрала отца.

– Пап, привет. Можно пару вопросов? Есть минутка?

– Привет, дочка. Сейчас не очень удобно, но если коротко – спрашивай. Хотя лучше я первый: как дела, как учёба?

– Всё нормально, каникулы. Пап... это правда, что у тебя появилась другая женщина?

В трубке повисла тишина.

– Рит, я не хотел бы обсуждать такое по телефону. Я любил твою маму. И если... если появится кто-то ещё, это не

будет предательством. Мама бы поняла.

– Она появилась ещё при маме, да? – голос Риты дрогнул, но прозвучал твёрдо.

– Рита, не знаю, откуда ты всё это берёшь. Не хочу об этом сейчас.

– Так правда или нет?

– Нет, не правда. У меня встреча через десять минут, мне пора. И выкинь эту чепуху из головы. Мне правда пора, я наберу тебя позже.

В трубке раздались короткие, равнодушные гудки.

«Что это было? – думала Рита, всё ещё сжимая телефон. – Выдумка? Бред? И что теперь делать с письмом?» Кажется, никто не подозревал об измене отца – если она вообще была. Все списывали мамину смерть на работу, на стресс, на сердце... А если причина в другом? Отец был последним, кто говорил с мамой. Перед вылетом, говорил он, позвонил из-за дурного предчувствия, боязни лететь. А в телефоне мамы осталось одно-единственное смс, сухое, почти официальное: «Мы взрослые люди, Вера, надеюсь на твою порядочность». Рите тогда показалось, что это простая ссора, но после письма та же фраза зазвучала иначе. Раньше «порядочность» значила верность. Теперь – молчание.

Чем больше она перечитывала письмо матери, тем всё объяснимее становилось поведение женщины в последнее время, и Рита верила ей, а не отцу. Вот только показать письмо родным она не решалась: ей казалось, что без явных до-

казательств неверности обвинение было лишь предположением, даже факт доставки документов по почте. Девушка обзвонила все фирмы города с экспресс-доставкой, но везде требовали трек-номер накладной, чтобы отследить отправление. По адресу или фамилии никто ничего не собирался искать; информацию могли дать только по заявлению получателя в офисе перевозчика, что совсем не устраивало Ритку. Да и узнай она, что письмо из Москвы приходило, что бы ей это дало? Только уверенность в правоте мамы, так она ей верила и без этого. Нужно было найти такое доказательство, чтобы отец сам признался, пусть в косвенной, ненамеренной вине в смерти матери. Рите хотелось с кем-то поговорить о письме, но говорить бабушке о таком – лишний раз будоражить раны, поэтому девушка отправилась к Грише, с которым она после смерти матери почти не общалась.

Когда в дверь позвонили и в прихожей прозвучал голос Риты, Гриша от радости чуть не подскочил на ноги, ощущение того, что у него есть ноги, посетило парня второй раз, но сегодня он словно на миг опёрся на подошвы.

– Привет, Гриш, – тихо произнесла девушка, входя в комнату.

– Привет, Рита.

Возникла тишина, каждый боялся задать следующий вопрос: «Как дела?»

– Мне нужно взломать сайт одной организации, можешь? – первой спросила девушка.

- Конечно, Рит, надеюсь, сайт не правительственный, иначе...
- Нет-нет, попроще, – перебила его девушка. – Сайт одного московского университета.
- Тут правда проще будет, да и наказание поменьше, если поймают.
- Беру на себя, с моего ноута зайдёшь, он у меня хорошо наспигован, отец подарил.
- Я своё железо тоже обновил, поменял винт⁹, давно пора было, и последнюю винду¹⁰ установил, – с гордостью сказал парень.
- Неплохо, – сказала девушка, а сама подумала: «Мама бы ни слова не поняла бы из сказанного, да и Толстой тоже». После спросила: – А как в целом успехи?
- Никаких изменений. Я теперь, похоже, в кресле навсегда. Извини, я всё о себе. Мне очень жаль, что так случилось... Вера Павловна, она мне ведь тоже как родная была...
- Знаю. У меня тоже жизнь на стопе. Всё думаю, приди я тогда чуть раньше...
- Рит, я себя тоже долго винил. Не побегу я тогда через гаражи, но твоя мама...
- Я знаю, – перебила его девушка, – но ты жив.
- Может, умереть было для меня лучшим выходом, – в сердцах сказал парень. – Боли меньше.

⁹ Винчестер, жесткий диск

¹⁰ Windows, операционная система.

– Боли меньше, – повторила девушка, – Гриш, я, наверно, пойду, мне пора.

– А как же сайт?

– Я с ноутом завтра приду. Устала что-то.

Девушка быстрым шагом вышла из комнаты. Если мама никому не рассказывала об отцовской измене, значит, не хотела огласки, и это её выбор, поэтому и она, Ритка, не станет никому об этом говорить. Оставалось узнать, причастен ли отец к смерти матери, и избавиться от терзающих её сомнений раз и навсегда. Всю ночь девушка ворочалась, думая, сказать Грише о письме или нет, но решила – говорить о нём пока рановато, для начала ей нужно самой во всём разобраться. После чего мысли, не дающие покоя, утомились, и она тут же уснула.

Следующим утром, стоя у дверей Потаповых, Ритка нажимала на кнопку звонка.

– Привет, Гриш, снова я, – с порога с напускной радостью проговорила девушка, почти влетая в комнату. – Ноутбук со мной, ну что, приступим?

– Здорова, Рит, приступим. Почему нет? Может, чаю?

– Не откажусь.

– Мам, ты не могла бы налить нам по кружке чая? Рите с лимоном и сахаром.

– Помнишь ещё.

– Я всё помню. Набирай сайт универа в поисковике, – произнёс парень, включая компьютер. – Буду работать на своём,

так привычней.

– Как знаешь, – Рита набила в поисковик несколько заглавных букв. – Гриш, мне нужен доступ к личным данным сотрудников. Копии паспортов, точнее, одного – моего отца.

– А ты не можешь напрямую...

– Не могу, он в Англии. К тому же я не хочу, чтобы он знал об этом.

– Тогда без вопросов.

– И документы на выезд из страны. Если его отправлял университет, то документы должны быть в архиве. Ломать сайт визового центра точно не придётся, – Ритка первый раз за столько месяцев улыбнулась.

– А вот за это спасибо. Пока я стараюсь забраться в сервер универа, ты могла бы посмотреть мои эскизы? – Парень достал жёсткий диск и подключил его к ноуту Риты. – Это алгоритм игры. Мне нужна твоя помощь в разработке антуража – мира для героя.

Ритка с интересом уставилась на парня.

– Ты пишешь игру?

– Пробую. Сначала посмотри, потом вопросы.

Ритка нажала на кнопку «Играть», и на экране появился Котя. Её Котя. Милый котёнок на рисунке, который она сделала для больных ребятишек и вешала на стены больницы рядом с кроватками лежащих детей. Больницы, где работала её мама. Ритка задохнулась от нахлынувших воспоминаний и тут же разрыдалась. Прижавшись к плечу парня, она,

всхлипывая, говорила и говорила. Говорила о том, как болела мама, о том, как она обещала ей написать игру для больных детей, про друга Котю, которого, оторвав от сердца, подарила девочке, о письме, найденном в книге, и о подозрениях об измене отца. Парень слушал, не перебивая, он знал, что человеку, держащему в своём сердце терзающие его воспоминания, просто необходимо выговориться. Сердце парня защемило новой болью. Он даже не подозревал, что у вполне здорового, красивого и благополучного человека может находиться внутри такая боль. Он теперь точно знал, что утрата дорогого человека – это серьёзный удар по психике потерявшего, который останется с ним навсегда. После такого удара человек никогда не будет прежним. И парень благодарил Бога, что тогда, падая с гаражей спиной на забор, он остался жив, тем самым спас психику матери, отца и, возможно, облегчит переживания родного для него человека – Риты Бабушкиной. Когда плач и несвязное бормотание прекратились, Ритка вытерла опухшие от слёз глаза, нажала клавишу и вышла из игры.

– Нет, Гриш, не могу я пока спокойно работать в этой игре.

– Извини, Рит, я не знал... Просто ты сама хотела... Я хотел порадовать... Я не знал... Извини.

– Ничего, Гриш, это скоро пройдёт. Это уже проходит. Я, наверно, пойду, что-то голова разболелась. Дома полежу. А с игрой ты молодец, мы её закончим, обязательно закончим,

но пока я не готова.

— Рит, я правда не хотел, чтобы так...

— Я знаю.

Ритка зашла в квартиру, еле передвигая ноги. Оставив сумку с компом в прихожей, девушка разулась, взяла на руки трущегося о ноги кота, который сегодня казался тяжелее обычного.

— Мотя, или я без сил, или ты стремительно превращаешься в бегемота. Надо было тебя в детстве назвать Пушком.

Девушка села в кресло и пультом включила телевизор. Мотя, урча, удобно устроился на коленях, и Рита, прикрыв глаза, провалилась в сон. Проснувшись девушка от булькнувшего звука, оповещающего о приходе почты на телефон. Рита посмотрела на время, она проспала час, а по ощущениям все восемь. Письмо было от Гриши, оно пришло с вложением, значит, всё-таки ему удалось раздобыть какие-то документы. Девушка включила компьютер, чтобы просмотреть файлы и подумать о дальнейших действиях. Чтобы баба Нина не мешала, Ритка позвонила ей и сообщила, что вечером пойдёт к Ленке смотреть фильм, что кота покормила и ждёт её завтра. «Так что до завтра, ба, жду тебя с сырниками, а сегодня у меня на вечер пицца с колбасой и сыром. Деду привет».

Ритка положила трубку, отправилась на кухню, достала из холодильника бутылку вина, откупорила и налила бордовую жидкость в стакан. Сделав пару глотков, она вернулась

к компьютеру и открыла почту. В письме, присланном Гришей, несколько файлов без названия, просто номера. Ритка открыла первый. В нём – заявление о переводе г. Бабушкина на работу за рубеж и распоряжение о переводе, подписанное ректором; во втором – копия паспорта, но только первая страница и прописка, фотографии на визу. В третьем – вызов на работу от английского университета с русским переводом. Ничего интересного. Девушка надеялась, что в копии паспорта будет присутствовать страница с семейным положением, вот она бы и расставила все точки на «и», но этой страницы не было. Ритка набрала Гришу.

– Привет, смотрю файлы – это всё, что есть?

– Да, Рит, я полностью перебрал папку тебе, всё, что было, ничего другого отыскать не смог.

По напряжённости, возникшей в голосе парня, Ритка поняла – он врёт.

– Да ладно. Что есть, спасибо и за это. Слушай, а ты Котю сам нарисовал или как-то скопировал, а потом раскрасил? – неожиданно спросила девушка.

– А, так прогу одну тут спулул¹¹, она считывает архитектуру, потом в редакте даёт править. Кинуть линк¹²? Могу прогу залить тебе в комп, если хочешь?

— Не сейчас, просто сфоткай мне Котю на телефон и сбрось на почту, а то у меня не осталось рисунка.

¹¹ Украсть.

¹² Ссылка.

— Так он не рядом, в книге на тумбочке... У кровати.

— Ничего, я подожду, Гриш, и рисунок не потеряй, хорошо? Он мне дорог.

— Рит, ты чего, я бережно с ним.

— Ладно, ладно — верю.

В трубке прозвучал скрип колёс, парень разворачивался на коляске. Тем временем Ритка, используя неконтролируемый удалённый доступ, проскользнула в компьютер Гриши. Пароль он как-то обронил в разговоре, и она его запомнила — теперь он открыл ей цифровую дверь. На экране замерцали открытые файлы, а среди них — скан паспорта. Девушка повела курсором, листая страницу за страницей, пока не нашла нужную графу: «Семейное положение». Мгновенный снимок экрана — и страница осталась у неё. Быстро, без следа, она вышла из системы.

— Нашёл, сфоткал, отправляю, — прозвучал в трубке голос, и почти сразу телефон отозвался мягким звяканьем — письмо пришло.

— Ага, уже здесь. Слушай, а если рисунок тебе больше не нужен — можно я завтра его заберу?

— Хорошо, завтра передам в целости и сохранности.

— Ещё раз спасибо... за информацию. Я бы сама её ни за что не достала.

— Да не за что. Возился недолго — всё получилось быстро. Тогда до завтра.

— До завтра.

Рита положила телефон и развернула снимок страницы. Оттуда на неё глянул ответ — и на главный вопрос, и на все остальные: дата расторжения брака с Бабушкиной В.П., и дата заключения нового — с некой Веденеевой К.В., которая, судя по году рождения, была старше Риты на шесть лет. Девушка залпом допила красную, вязкую жидкость. Она обожгла пищевод, упав в желудок тяжёлым огнём. И дата развода, и дата свадьбы — обе были задокументированы раньше смерти матери. Ритка снова налила вина, выпила одним залпом. Потом вырвала из маминого блокнота чистый лист и написала, почти не дыша:

«Мне стыдно за тебя, отец. Ты предал не только маму — всю нашу жизнь. И теперь своей изворотливостью пытаешься умолчать вину перед ней. Что ж, я помогу тебе. Помогу избавиться от этого неудобного прошлого, начать всё с чистого листа — как ты мечтаешь. Теперь ты свободен. Ты один. А я остаюсь с мамой. Я её не предаю».

Вынув из книги письмо матери, девушка развернула листок и положила его рядом со своим, только что законченным. Теперь две исповеди лежали бок о бок — молчаливые, обнажённые. Выплеснув в бокал остатки вина, Ритка отпила одним длинным глотком, двинулась в ванную, включила воду, предварительно заткнув слив пластмассовой пробкой. А затем принялась искать мамин медицинский саквояж с инструментами, тот самый, что хранился в доме на всякий случай. Мотя, не понимая нервозности ситуации, вопреки свое-

му изрядному весу, неотступно следовал за Ритой по пятам, словно приклеенный. Подставив стул, девушка распахнула верхний ящик шкафа и наконец достала с верхней полки искомую чёрную сумку. Положив её на кровать, она расстегнула замок. Взгляд скользнул по аккуратно разложенным блестящим крючкам, зондам, зажимам – и выхватил из ячейки холодный, цельнометаллический скальпель. Рита знала: резануть удастся лишь раз. От запаха крови её сознание тут же уплывёт, а значит, удар должен быть единственным, точным и беспощадно глубоким. Убрав сумку на место, она положила лезвие на стол, вернулась в ванную и выключила воду. Пустить кровь в воду, наполненную до краёв, чтобы та не свёртывалась, – приём не новый, так часто показывали в кино. Но девушка делала ставку на другое: почувствовав запах крови, она потеряет сознание и больше уже не очнётся. Никогда.

Она вошла в комнату, сбросила тонкий вязаный свитер и, оставшись в футболке и лёгких штанах, подошла к столу. Мотя сидел рядом с холодным металлом на столешнице. Его круглые оранжевые глаза были прикованы к лицу девушки – словно он уже всё понял. Рита потрепала кота за ухом, чмокнула в бархатистый лоб, взяла скальпель и принялась изучать вены на левой руке. Мотя не мигал, не шевелился, лишь смотрел.

Ярко выраженные вены, их на запястье было три, показались ей идеальным местом для рассечения. Она решила ре-

зануть здесь. Допив вино, Рита мысленно проиграла сцену: нужно рассчитать взмах, силу, траекторию, чтобы в ванной всё вышло наверняка. Мотя, как загипнотизированный, следил за каждым её движением. Рита подняла руку вверх, лезвие сверкнуло в свете электрической лампочки...

«Нет, – мелькнуло в голове. – Так не пойдёт. Если замачиваться сверху, рука, зависая в воздухе, теряет твёрдость». Рита опустила руку. «Медленно резать я не смогу. Значит – резко поднять, тут же опустить и резануть. Да, так. Сейчас попробую, а там... повторю».

Она взмахнула рукой, резко опустила её вниз – и в этот миг Мотя, будто приняв решение за неё, метнулся вперёд и прыгнул прямо на лезвие, приняв удар на себя. Ритка вскрикнула...

После разговора с Ритой Гриша медленно, упрямо представлял непослушные ноги вдоль брусьев. Его грызла совесть — он обманул Риту, не сказал правды. Скажет позже, когда она успокоится. Но что-то другое, тёмное и холодное, сжимало ему горло... «Курсор стоял на странице «семейное положение» в паспорте... Где стоять не должен был... Господи, Ритка...» Юноша оттолкнулся от брусьев, сделал три шага на прямых, деревянных ногах и рухнул на стол. Дотянувшись до телефона, он набрал Риту. Гудки. Долгие, пустые гудки. Он набрал снова. И ещё. Безрезультатно. Абонент не отвечал.

— Мама! — закричал юноша, сползая на пол. — Мама! Сходи к Рите, ей плохо! Она знает про отца... Это я дал ей информацию... Беги, прошу, поговори с ней, успокой!

Женщина пыталась поднять сына, не понимая его слов, но парень, толкая её к выходу, хрипел:

— Она на грани нервного срыва! Спаси её! Это моя вина! Я не думал, что так будет...

...Извернувшись в воздухе, кот приземлился на лапы и замер как вкопанный. Лезвие скользнуло по бедру девушки, разрезая ткань, кожу, мышцы, сосуды — и с глухим стуком упало на пол. Ритка смотрела вниз. Видела ровный, будто по линейке проведённый разрез, розоватую плоть и кровь, медленно заполняющую рану. Пахло железом и страхом. Она пошатнулась и рухнула на ковёр, теряя сознание. Мотя, испуганный видом и запахом крови, метнулся в коридор и с остервенением принялся царапать входную дверь, трубя грудным, отчаянным голосом во всю мощь своих лёгких.

Пенсионер, дед Василий, почти сразу вышел на лестничную площадку, как только услышал громкие завывания кота. Животина орала так же, как в тот день, когда с Верой Павловной случился инфаркт. Но тогда мужчина лишь громче включил звук на телевизоре. Теперь же он решил узнать, что случилось. Вдруг животное орёт не просто так. Мужчина подошёл к соседской двери.

Кот, царапая дверь, продолжал орать как резаный: «Мо-

о-у-у, мо-о-у-у!» Дед Василий, не зная, что предпринять и кого позвать на помощь, легонько постучал в дверь, тихонько приговаривая:

– Киса, киса, ты чего, успокойся. Чего так кричать, не покормили тебя, видно.

Двери лифта, поднявшегося на шестой этаж, открылись, и на площадку выскочила запыхавшаяся женщина с красным лицом и тут же кинулась к деду.

– Что случилось? – с тревогой в голосе спросила она, глядя то на него, то на дверь.

– Не знаю. Кот орёт как резаный, в точности как в тот день, когда умерла Вера Павловна.

Женщина, опустив ручку вниз, резко дёрнула, кот замолчал, но потом с новой силой стал царапать неподвижную дверь.

– Нужно ломать замок. Там девочка Рита, и она не отвечает на телефон. У неё был нервный срыв.

– Так можно разве без спросу-то и без полиции?

– Можно, дед, можно. У вас есть ломик? Или какой другой инструмент?

– Так у меня сын этажом ниже живёт, с ночной смены пришёл, может, он подсобит, – проговорил дед.

– Идите, дедушка, будите сына, быстрее, прошу вас, – женщина стала колотить кулаком в дверь. – Рита, Рита, открой дверь, открой, девочка.

Дед пошёл по ступеням вниз. Через пять минут прибежал

заспанный мужчина с ломиком в руках.

– Что случилось?

– Там девочка одна, у неё нервный срыв, на телефон не отвечает, дверь не открывает, кот орёт как резанный... Ломайте замок, ломайте скорее.

– Да как же ломать? Это же статья уголовная?

– Ломом ломайте, а за взлом отвечать буду я. Дед, несите аптечку, или что там у вас есть, так, на всякий случай, – распорядилась женщина, и старик, кивнув, зашаркал ногами в сторону своей квартиры.

Мужчина же, проводив деда взглядом, зачем-то посмотрел в дверной глазок, потом приложил ухо к двери, прислушиваясь к звукам, доносившимся изнутри: в глубине квартиры орал кот, громко орал.

– Ломайте, кому говорю! – крикнула женщина.

Мужчина вздрогнул и навалился на дверь ломиком, принимаясь корёжить косяк. Минут через восемь мужчины и женщина вбежали в комнату. На полу лежала девушка, на ней сидел огромный коричневый кот, лапы которого были в крови. Кровь была на ковре и на правой штанине девушки.

– Вызывайте скорую. Дед, возьмите кота на руки, я окажу помощь, я медсестра, – скомандовала женщина и выхватила приличных размеров коробку из рук старика.

Мотя спрыгнул с живота девушки и сел рядом. Штанина стала медленно наполняться свежей кровью.

– Молодец, мальчик, молодец, котик, – приговаривала

женщина, туго перевязывая рану. – Ты же помог Рите, даже не представляешь, как ты помог. Вроде животное, а сообразил же, как остановить кровь, молодец, малыш.

Ритка вдохнула резкий запах нашатыря и закашлялась, на глаза навернулись слёзы. Смахнув влагу с ресниц, девушка увидела перед собой склонившуюся тётю Раю, мать Гриши.

– А вы как тут? – спросила девушка, не ожидая увидеть перед собой лицо матери Гриши. Она думала, что когда душа после смерти вылетает из тела, то её встречают умершие родственники; по слухам, это происходило так, поэтому Рита ждала свидания с матерью.

– Дверь сломала, – ответила женщина. – Голова у тебя как, кружится?

Девушка посмотрела по сторонам.

– Так я ещё дома? – удивилась Рита. – Голова?.. Да нет, вроде. Меня мутит от запаха крови, а ей сильно пахнет. Частенько теряю сознание от этого. Наверное, блок в голове. Вот опять всё кружится...

Девушка закрыла глаза, и тело её обмякло, распласталось на полу. Женщина снова поднесла салфетку к носу, и Рита закашляла.

– Тётя Рая, снимите с меня штаны и наденьте другие, пожалуйста, там, в шкафу лежат, в моей комнате: серые такие, спортивные. Они широкие, их легко натянуть. Но сначала передайте мне два письма, которые лежат на столе, пожалуйста.

Женщина привстала, взяла два листка со стола и передала девушке. Рита свернула их в несколько раз и, не найдя карманов, попросила передать ещё книгу, лежащую на столе. В неё она запихнула странички и взяла у женщины салфетку, смоченную нашатырём.

– Наверное, вы скорую вызвали?

Мужчины, которые всё это время молча стояли рядом, закивали.

– Вызвали. Рана глубокая, шить придётся, – сказала женщина девушке, потом мужчинам: – Присмотрите за ней, я за штанами.

– Не такая я и хилая, ежемесячная тренировки укрепляют иммунитет, – пошутила девушка, чем ввела мужчин в ещё большее смущение.

– Вот штаны... На резинке... Мужчины, встретьте врача на площадке, пока мы переодеваемся.

– Спасибо вам, деда Вася, за помощь. Я случайно порезалась, кот прыгнул на стол, я испугалась, оступилась и порезала себе бедро.

– Да ничего, дочка, с кем не бывает. Поправляйся быстрее. Коту спасибо скажи, он первый ор поднял.

Отец и сын с чувством выполненного долга вышли из комнаты.

– Рит, мне можешь ничего не объяснять, я слышала твою версию.

– Так это правда, всё так и было.

– А письмо?

– Сначала хотела, потом передумала, а получилось так, как получилось.

– Понятно. За мои руки возмись, – сказала женщина и оттащила девушку ближе к дверям, подальше от кровавого пятна на ковре, аккуратно стянула измазанные кровью штаны и надела новые.

– А меня сегодня отпустят обратно домой? – спросила девушка.

– Не знаю. Возможно, если не решат, что ты суицидница.

– Тётя Рая, поручитесь за меня, мне домой нужно, мне тут ещё не один час прибирать. Не хочу бабушку такой картиной пугать.

– Рит, я приберу в комнате, с тобой не поеду, мне ещё замок в дверь вставлять.

– Тётя Рая, деньги в сахарнице, в шкафу с посудой. Возьмите, сколько нужно. А новый ключ оставьте деду Васе – я потом заберу, или бабушка. А лучше давайте ей позвоним, а то как-то неловко вас обременять.

– Да что ты, Риточка, пустяки! Если бы я не успела, никогда бы себе этого не простила.

– Спасибо вам огромное, тётя Рая. Честное слово... Случайно всё вышло.

– Это Гришку благодари – он первым неладное почуял. Сейчас позвоню, скажу, что всё в порядке, а потом займусь поисками слесаря. Так что не волнуйся за дверь. Я сейчас

тебе вещи с собой соберу.

Женщина быстро уложила в рюкзак халат, тапочки, зубную щётку с пастой, тысячу рублей из сахарницы и книгу – ту самую, которую девушка всё ещё сжимала в руках, когда в комнату вошли двое мужчин в белых халатах. Окинув взглядом комнату, тот, что пониже, спросил глуховатым голосом:

– Что произошло?

– Порезалась. Оступилась случайно, – быстро ответила женщина вместо Риты. – Рана глубокая, и крови потеряно много.

– Идти сможете? – обратился доктор к девушке.

– До лифта? Кажется, да... Но вот рюкзак...

Мужчины мягко подняли её с пола. Высокий подхватил рюкзак, и они, взяв девушку под руки, неспешно повели к лифту.

Когда Риту привезли в больницу и завели в кабинет, она с большим трудом, но сама взгромоздилась на кушетку. Рана кровоточила. Но едва медсестра сняла фиксирующую повязку, Ритка, почувствовав терпкий запах свежей крови, тут же опрокинулась на спину, теряя сознание. Очнулась она уже под капельницей на больничной койке – после наложения швов её оставили в палате под наблюдением. На прикроватной тумбочке лежал её рюкзак. Швырнув его на пол, Рита достала оттуда халат и книгу. Вынув из-под обложки пачку писем, она свернула их ещё раз пополам и сунула во внутренний карман рюкзака. Снова открыла книгу... «С Верой в

любовь»... «Мастер и Маргарита», М. Булгаков. Ритка раскрыла замятую уголком страницу и погрузилась в чтение.

На следующий день, после обеда, Рита выписывалась из больницы уже другим человеком. В неё словно вселилась чертовщинка. Появилась ни с того ни с сего дерзкая смелость и жгучее желание поквитаться. Девушка не собиралась, как Маргарита Николаевна, идти на сделку с дьяволом, но твёрдо намеревалась вывести лгунов на чистую воду и отомстить за смерть матери – даже тем, кто был к ней лишь косвенно причастен. Кто-то должен был уравновесить весы правосудия. Так почему бы не она? Взяв ключ от квартиры у соседа, деда Васи, Ритка открыла дверь – и на лестничную площадку тут же вывалился кот Мотя. Радуясь, он громко мурлыкал и принялся тереться о её ноги.

– Привет, Бегемотик, соскучился? Ну, иди ко мне, лапочка, – сказала Рита и, преодолевая боль, нагнулась, чтобы взять кота на руки. Бедро ощутимо ныло, и каждое резкое движение отзывалось острым уколом. Прихрамывая на правую ногу, она, прижимая к груди тёплый комок шерсти, вошла в квартиру. В большой комнате было чисто – ни намёка на вчерашнюю кровавую резню. Лишь на ковре виднелось одно небольшое, ещё чуть влажное пятно. В ванной на бельевой верёвке висели постиранные штаны, аккуратно заштопанные на бедре. Шов – тонкий, почти невидимый.

– Надо было тётю Раю попросить штопать меня, – усмехнулась она про себя. – С таким-то мелким стежком всё бы

быстрее заросло.

Опираясь на подлокотник, она, напрягая пресс, медленно опустилась в кресло.

– Нет, с такими кульбитами у меня не скоро всё заживёт. Лучше полежать – покой снимет напряжение с бедра, и рана быстрее затянется. Эх, Мотя, Мотя... Похоже, спас ты меня не зря. Гляди – прямо на твоих глазах из скорбящей дочери зарождается новый мститель. Ну, не женщина-кошка, конечно, но что-то около того. Кто-то же должен был восстановить равновесие сил.

Ритка чмокнула кота в макушку, достала из рюкзака книгу и раскрыла на странице, свёрнутой уголком. Ей не терпелось дочитать – будто от этих страниц зависело теперь всё.

7. Месть

Рана затягивалась, а вместе с ней крепла и вызревала жажда мести. Дотянуться до отца Ритка не могла, он был далеко-вато, а вот до подобных ему, неверных предателей, – собиралась. Она возомнила себя посланником небес, вершащим правосудие. Мстить за слабых, за тех, кто не мог постоять за себя, стало её одержимостью. Рыская по новостной ленте, она выискивала потенциальных претендентов, подходящих под её критерии мщения. Сквозь бреши в рабочих серверах она выуживала компрометирующие данные, и лишь после подтверждения их подлинности незаинтересованными лицами, имя кандидата вносилось в её зловещий список. В список изменщиков. Сегодня в нём значились восемь имён, но Ритке хотелось раздобыть ещё парочку кандидатур про запас – и начать уже действовать.

После того как в порыве страха и переживаний за Риту Гриша вскочил на ноги, почувствовав в них опору, парень стал тренироваться иначе. Он стал практиковать взаимодействие между мозгом и конечностями на уровне мыслей. Парень подавал сигнал ноге, представляя, как она шевелится, поначалу лишь в его голове. Но теперь при определённом расслаблении и резком усилии он мог шевельнуть правой ногой и дёрнуть левой. Нервный импульс, посланный из мозга, временами достигал конечности, оставалось лишь усилить

его. Парень во время массажа ног не чувствовал ничего, но при иглоукалывании в определённые точки, которое регулярно делала ему мать, стал испытывать неприятные ощущения. Однажды во время введения иголки в место, находящееся под коленной чашечкой и по китайской медицине называющимся «точкой жизни», правая нога, словно живая, согнулась в колене. Мать, поражённая чудом, отшатнулась и рухнула на стул.

– Гриш, ты это тоже видел? – прошептала она, не веря своим глазам.

– Мам, я... я почувствовал, – улыбаясь, сказал парень.

– Вот говорила же Вера Павловна, что встанешь. Она одна верила, что ты пойдёшь... Дай бог ей здоровья или чего там желают, – сквозь слёзы тараторила женщина, поднимая глаза к небу. – Гриша, а вторая, вторая-то что? Давай и на другой ноге я в то же место иголку воткну, видно, прям в точку жизни ровнёхонько попала. Господи, спасибо тебе за терпение, великодушие и помощь...

Женщина вонзила иголку под левую коленную чашечку, и нога слабо дрогнула в ответ...

– Тоже ожила, видел?! Ожила! – воскликнула женщина. – Ой, а отец...отец-то не видит, сказать надо... Я побегу расскажу, да что это... радость какая... и в церкви свечку за здравие обязательно надо... А Вере Павловне за упокой. Упокой её душу, Господи, и помоги ей там на небесах!

Женщина выбежала из комнаты, читая на ходу «Отче

наш», а Гришка, улыбаясь, приподнял правую ногу.

Отобрав десять кандидатур, Рита перешла ко второму пункту своего плана. Окрашив волосы в пепельный цвет, она отправилась в поход по бутикам, выискивая модные и сексапильные наряды: юбки-карандаши с дерзким разрезом, платья, облегающие словно вторая кожа, брючки, подчеркивающие каждый изгиб, блузы, откровенно оголяющие девичьи ключицы. Она покупала наживку, дорогую и манящую, для тех, кто перешагнул сорокапятилетний рубеж и уверовал, что статус обязывает иметь рядом юную прелестницу, предмет завистливых взглядов юных самцов. Слово столь пикантное дополнение способно было вернуть им утраченную молодость и пыл. В тиши кабинетов, в мягких креслах, с бокалом дорогого виски, они думали: а не напрасна ли вся эта суета, но стоило на горизонте появиться зрителю, как их спины выпрямлялись, самодовольство распирало грудь, и на выдохе в глазах вспыхивал мальчишеский огонь. Лишь уставшее сердце, ежесекундный труженик, работающий без сна и отдыха, понимало – сколько ни хорохорься, вечно работать на износ способен только кусок закалённой стали.

Выбирала Ритка не яркие, а пастельно-приглушённые благородные тона в одежде, каблуки классического типа, она не хотела скатиться в вульгарность. Образ чарующей обольстительницы её вполне устраивал, но игра должна быть качественной, правдоподобной, близкой к реальной жизни. Чтобы чуть приглушить свою сексуальность, Рита купила па-

ру строгих жакетиков и очки с простыми стёклами для большей солидности.

Следующим шагом стала татуировка – как напоминание о миссии и некая поддержка внутренней мотивации. Рита знала основу рисунка, но плохо представляла его исполнение. После долгих поисков в интернете она выбрала один из самых дорогих тату-салонов и отправилась туда. Салон оказался небольшим, чистеньким и модным. Рита попросила каталог и углубилась в раздел «Цветы». Она хотела именно цветов. Среди множества эскизов работы мастера под псевдонимом «Магик» поразили её больше всего: в них чувствовалась глубина, они были словно живые, объёмные, реалистичные до мурашек, но без намёка на трагизм или искусственность. Словно мастер выбирал из множества цветов на клумбе самый прекрасный, самый живой – именно тот единственный.

– Ну что, выбрали? – спросил подошедший парень, одетый в светлую повседневную одежду. Ритка представляла себе татуировщиков исключительно в чёрном и со множеством татуировок на открытых руках.

– Картинку нет. Мастера – да.

– И кто же избранник? Осмелюсь спросить.

– Магик, – просто ответила Ритка.

– Достойный выбор. А чем другие не угодили?

– Много искусственности и вычурности.

– Сейчас все гонятся за искусственным совершенством – пик тренда.

Ритка уловила намёк – её внешность полностью соответствовала нынешнему идеалу красоты: белые волосы, брови, ресницы, губы, худоба – природные данные оказались как нельзя кстати. Девушка улыбнулась.

– Знаете, я, признаться, тоже ожидала увидеть брутального викинга с татуировками на каждом сантиметре кожи, а тут... такая метаморфоза.

Парень усмехнулся.

– Говорите, вас Магик заинтересовал, так к нему очередь, он редко работает – новое увлечение, оформляет храм за рекой. А в каталоге его старые работы.

– А в очереди я какая по счёту?

– То есть вы готовы ждать?

– И всё-таки какая, если верить спискам?

– Первая... но через полгода.

– Порядковый номер уже радует, – произнесла девушка и захлопнула каталог. – Записывайте.

Ритка продиктовала парню свои данные и вышла на улицу. Через десять минут телефон пискнул, высветив неизвестный номер. Она, помедлив, коснулась мигающего сенсора.

– Здравствуйте, – произнёс мужской голос в трубке и внезапно умолк.

– Здравствуйте, – ответила Рита и тоже замолчала.

– Я насчёт татуировки. Вы хотели поработать с Магиком – так это я.

– Здравствуйте ещё раз. Приятно... что вы нашли для ме-

ня время.

– Глаза святой Богородицы на стене храма не получают такими, какими в голове представляются, решил отвлечься.

– А разве храмы не иконописцы расписывают? – спросила Рита.

– Я окончил факультет монументальной живописи, у нас преподавалась фреска по сырой штукатурке, даже выездная курсовая работа была в храм, поэтому я знаком с этой техникой. На добровольных началах предложил настоятелю храма свои услуги, эскиз показал, он и согласился.

– Интересно, наверное, когда делаешь что-то необычное. Но у меня-то работа заурядная, боюсь, не особо денежная.

– Это ничего. Решил вместо запоя с вами пообщаться.

– Вы же при церкви работаете, разве вам можно пить?

– Так я не священник, я художник, и, похоже, в тупике. Если вытащите, тату бесплатно.

– Так я не психиатр, я студентка, и, похоже, не помогу. Если понравится, тату оплачу.

Мужчина рассмеялся.

– Бабочка или птичка?

– Около этого, цветы.

– Роза?

– Мимоза.

– Странный выбор для такого молодого голоса. Цветок сезонный, живой не найти, может, есть варианты?

– Нет, только мимоза. Ветка мимозы, просто голая ветка

с листьями для начала.

– Без цветов? – удивился мужчина.

– Да, без жёлтых горошин.

– Так цветы – это самое красивое в нём.

– Красивое – чуть позже.

– Странная вы.

– Мы все странные, только боимся этого.

– Хорошо, ветка так ветка. Адрес сброшу на телефон, приходите в мастерскую завтра часов в девять.

– Может, в десять? – предложила Рита.

– К десяти могу напиться. А в девять я завтракаю, кофе люблю выпить по утрам – единственная слабость.

– Буду в девять. Варите две кружки, куплю круассаны.

– Сладкого с утра не хочется. Давайте натуральное с натуральным, с вас чёрный хлеб с сыром или колбасой, – смеясь, ответил мужчина, – как в детстве. Без всяких наворотов. А вас как зовут?

– Рита.

– Рита? Это объясняет мимозу.

– Тут вы правы, – смеясь, ответила девушка.

– Макар Гиляров.

– А «к» в конце?

Теперь засмеялся мужчина.

– Константинович.

– А я думала, ваш псевдоним от фантастически нереальных работ, а это, оказывается, аббревиатура.

- Ага, потом пришлось стать фантастически нереальным.
- Колбаса, говорите, как в детстве?
- «Докторская» вроде и в наши дни съедобная.
- Тогда до завтра, Макар Константинович.
- До завтра, Рита.

Ритка купила в магазине увесистый кусок маасдама, полкило «Докторской», пачку молока, упаковку яиц и один большой красный болгарский перец, чтобы соорудить омлет или яичницу на крайний случай. Порывшись в интернете, Ритка сбросила пару понравившихся фотографий цветка на телефон. Пробежалась по списку претендентов и остановилась на цифре один.

- Начнём с первого. Так, первый.

Девушка скопировала адрес из скана паспорта и забила в поисковик. Надев джинсы, свитерок и очки, Рита отправилась по найденному адресу. Сев за руль маминой машины, она впервые почувствовала себя не жертвой несправедливости, а справедливостью для жертв, что соответствовало внутреннему состоянию девушки. Подъехав к дому, Ритка надела очки, достала мамин блокнот в клетку из сумки и вошла в подъезд. Дверь открыла женщина болезненного вида лет сорока пяти. Бледная кожа отливала синевой, и это в самый-то разгар лета.

- Добрый день, я представитель управляющей компании. Мы проводим опрос жителей и собираем подписи о возможности переноса детской площадки на новое место для рас-

ширения дворовой стоянки и увеличения числа парковочных мест.

Ритка специально выбрала такую щекотливую тему, чтобы вызывать негативную эмоцию у населения, но женщина лишь кивнула.

– Проходите, я за детскую площадку. Где расписаться?

Вверху листа девушка написала «Детская площадка», чуть ниже поставила цифру один и напротив неё фамилию, имя и отчество женщины, после чего передала блокнот для подписи ей в руки.

– Рядом с фамилией распишитесь, – скороговоркой проговорила Ритка.

– А почему в списке только моя фамилия?

– С вашей квартиры начали опрос, а что?

– С седьмого этажа?

– Просто я тоже живу на седьмом и в лифте по привычке нажала на эту кнопку, – смеясь, ответила девушка.

– Тогда понятно.

Женщина быстро расписалась на листе.

– У вас в квартире ещё прописаны люди? Они дома?

– Нет, я одна.

– А Чернов Максим Григорьевич, он скоро будет?

– Нет, не скоро. Его не будет, он умер.

– Ой, извините, я не знала, мне не сказали.

– Это образное выражение, он для меня умер.

– Извините, вижу, я не вовремя. Я пойду, пожалуй.

– Да-да, – проговорила женщина. – Надеюсь, вам удастся помочь тем, кто не может защищать свои интересы, сейчас кругом машины, а где детям играть?

– Мы поможем, в этом не сомневайтесь.

Ритка, полная решимости, вышла из дома, теперь её было не остановить. Она загадала себе: если у этого пожилого ловеласа действительно случилась любовь всей его жизни, то ветка мимозы останется голой, а если это последний всплеск имиджевых гормонов, то в рисунке мимозы появится первый золотой кружок.

Следующим утром Ритка стояла с мешком продуктов перед дверью дома. Адрес ей сбросил Магик ранее по смс. Дверь открыл мужчина лет пятидесяти пяти, может, чуть старше: бородатый, длинноволосый, в майке и с татуировками на руках.

– Входите, Рита.

Девушка оторопела.

– Если что, я сказала, куда иду, чтобы без каких-либо недоразумений, – соврала девушка.

– Верю. У меня несколько специфический вид, если вы заметили, издержки бурной молодости, но я к пятидесяти пяти остепенился и теперь интересуюсь душой, а не телом, хотя физиогномикой тоже увлекаюсь.

– Да? И что вы скажете о моём лице?

– Что вы добрая, отважная, верящая в справедливость девушка, которая недавно покрасила волосы в белый цвет.

– С первым всё понятно – принесла продукты, вошла в квартиру к одинокому мужчине, ветка без цветов, а про волосы как догадались?

– Пахнет перекисью, у меня очень чувствительный нос к запахам.

– Ясно, в мешке яйца, колбаса и сыр, можно пожарить яичницу. Да и кофе у вас что-то совсем не пахнет.

Ритка всё ещё боялась этого экстравагантного и чудного человека.

– Да проходите же. Не бойтесь, сейчас сделаем набросок рисунка, а на тело нанесём в салоне, там оборудование и краски – всё стерильно.

Рита прошла, квартира – однокомнатная студия. Тут же диван, шкаф-купе на всю стену, в углу плита, у окна мольберт, холст и краски, кругом разбросанные листы с нарисованными женскими глазами.

– Вот у мадонны, держащей на руках младенца, никак не могу нарисовать глаза, глубины нет, получаются поверхностными. А в церкви лики святых должны за душу брать.

– Вы иконы рисуете?

– Нет. Деву Марию на стене в полный человеческий рост. Хочу, чтобы создавалось впечатление, что разговор на равных идёт, как у человека с человеком. А вы посещаете церковь? – внезапно спросил он.

– Была раз... Молодость, похоже, о другом думает – как найти себя в этом мире, а не как душу в равновесие приве-

сти.

– То есть ваша душа не совсем спокойна, раз пришли в церковь?

– Всё в порядке со мной. Я нашла компромисс с совестью.

– Рад за вас, а я всё ещё ищу.

– Тут главное – проанализировать ситуацию и придумать тактику для дальнейших действий.

– А если вернуть уже ничего нельзя? – тихо произнёс мужчина.

– Вернуть нельзя, – повторила Ритка. – Отомстить можно.

– Кому? Себе? – удивился мужчина.

– Давайте-ка выпьем кофе, а лучше позавтракаем, – проговорила Рита, уходя со скользкой темы. — Яичницу готовлю я. У вас есть комп? Переброшу с телефона на него фотки цветка, которые выбрала.

– Комп есть. Завтрак так завтрак.

В квартире продуктов почти не было, в холодильнике пара батонов и две бутылки молока, в шкафу пачка молотого кофе и бутылка коньяка – вот и весь продовольственный набор.

– А вы горячее когда-нибудь едите? – спросила Рита.

– Ем. Хожу в кафешку напротив, чтобы развлечься, посмотреть на людей. Не могу работать, когда едой пахнет, я волк-одиночка, одомашненности в моей квартире нет. Можете называть меня Макар, если трудно, то на вы, не расстроюсь.

– Хорошо, Макар, значит, масла у вас нет?

– Нет. Аннушка пролила.

Девушка улыбнулась.

– Тогда будем жарить колбасу без масла, она даст жир, позже разобьём яйца. А сковорода у вас есть?

– Есть. Иногда я делаю омлет, когда болею и лежу в кровати.

Мужчина достал сковороду. Рита поставила её на плиту и бросила на разогретую поверхность три толсто отрезанных кружка колбасы. Она специально отхватила их потолще, чтобы края при жарке не заворачивались кверху. В комнате ощутимо запахло едой. Девушка подошла к окну и открыла вертикальную створку, художнику, который чувствует краски носом, трудно творить за кухонным столом, пахнущим луком.

– Позже сварим кофе, и его аромат вернёт дух творчества, – предложила Рита, возвращаясь к плите.

Мужчина кивнул, сам же стал собирать рисунки в большие папки, аккуратно складывая их рядами в массивный двухстворчатый шкаф, стоящий у стены. Ни один художник не хотел бы, чтобы его работы пахли жареной колбасой, поэтому Ритка сняла сковороду с горящей конфорки, переложила недожаренные ломтики на тарелку и, помыв её в горячей воде, сунула обратно в буфет. Ей и самой не нравилось, как пахли её волосы и одежда, после того как бабушка звала её к ужину, нажарив гору котлет или в субботу вечером, когда пеклись блины. А тут нетленные полотна художника, му-

за не должна суетиться в мастерской в кухонном переднике.

– Колбасу на бутерброде лучше есть варёной. Так что, маэстро, варите кофе, а глазунью приготовим в следующий раз.

Мужчина, улыбаясь, подошёл к плите.

– У меня нет ни кусочка сахара в доме.

– Я пью без сахара с молоком.

– Замечательно.

Через пять минут в комнате запахло кофе, здесь существовало только два запаха: красок и свежесваренного кофе. После завтрака Ритка убрала все продукты в пакет и сунула в холодильник. Просмотрев фотографии на компьютере, Макар минут десять рисовал что-то на бумаге хорошо заточенными цветными карандашами.

– Рита, а вы знали, что ветка мимозы в религиозной символике характеризует бессмертие, уверенность в воскрешении? И что листья её от прикосновения складываются? Стоит их слегка задеть, как по пушистому кусту пробегает дрожь, и он прячет свои листья, словно его прихватило морозом. Поэтому растение ещё называют «стыдливой мимозой», оно небольшое, с пушистыми сиреневыми шариками. Это настоящая мимоза, а вот ту жёлтую, вкусно пахнущую ветку, которую мы дарим вам весной, именуют акацией серебристой, и она сама по себе выглядит как большой крепкий куст. Но почему-то в народе её зовут мимозой.

– Нет, я этого не знала, – ответила девушка.

– Но вы хотите непременно «тревожные жёлтые цветы» –

так вроде по Булгакову?

– Так. Хочу такие, как в книге, – ответила девушка.

– Тогда сколько жёлтых шариков вы планируете набить, полагаю, ветка – это некий символ или аллегория какой-то идеи.

– Да, символ. Пока планирую девять штук.

Ритка вспомнила про свой список, в котором фигурировало десять фамилий.

– Маловато. Тогда придётся рисовать шарики крупней и пушистей. Девять, говорите?..

Мужчина быстро что-то пририсовал жёлтым карандашом и протянул рисунок девушке. – Готово. Вот смотрите.

Рита взглянула на листок. Оттенки зелёного, тёмно-зелёного, коричневого, жёлтого и светло-жёлтого делали ветку настоящей. У Ритки даже дух захватило, за десять минут родился такой шедевр.

– Круто! – не сдерживая восторга, выпалила девушка. – Даже лучше, чем я представляла. Шарик словно из тонких палочек, собраны, как одуванчики. Мне очень нравится. И листья, если смотреть сверху, они словно складываются за счёт серебристости листа, а если прямо, то разворачиваются. Красиво. Очень красиво!

– Я рад, что вам понравилось. Думаю, тату будет скрыто под одеждой, в недоступном для просмотра месте?

– Точно так. Поперёк бедра, на шраме.

– На шраме? Придётся повозиться, если он плохо испол-

нен, хотя шрам даёт некоторый объём, на этом можно сыграть. Покажите-ка его.

Щёки девушки вспыхнули.

– Я же говорю, на бедре.

– Показывайте, всё равно потом увижу.

– Потом и посмотрите, а пока только на фото.

Ритка показала фото шрама на телефоне.

– Так он свежий, ещё не зажил, – удивился мужчина.

– Сразу всё и будет заживать.

– Рубцеваться начнёт, рисунок может измениться, причём непредсказуемо, – не унимался мужчина.

– Любые видимые перемены безоговорочно принимают-ся. Татуировку буду делать сейчас, пока шрам не зажил, и это решено.

– Хорошо, воля ваша, тогда завтра в пять жду вас в салоне.

– Договорились.

Ритка встала, положила рисунок на стол, сунула телефон в карман и направилась к двери.

– А вы решительная, Рита.

– Нет, это молодость шалит, – ответила девушка и открыла дверь. – А почему вы мне позвонили, если уже не занимаетесь татуировками?

– Человек, который собирается ждать полгода, пока мастер освободится, вкладывает смысл в тату. А такие люди мне интересны.

– До встречи, Макар Константинович, завтра буду ровно

в пять, – произнесла девушка и вышла.

– До завтра, Рита.

Ритка шла по улице и улыбалась, пока у неё всё получалось.

Гришке хотелось поделиться радостью с Ритой, но показать её видимые результаты хотелось ещё больше. Теперь он передвигался не за счёт рук, а за счёт ног, переставляя их одну за другой. Окрылённый успехами парень почти носился по квартире. Но, увидев в фейсбуке новую фотку Риты с белыми волосами, в платье и на каблуках, Гришка расстроился. Он решил, что Рита влюбилась, такие изменения могут происходить лишь с влюблённой женщиной. Она сильно изменилась после выхода из больницы, создание игры её перестало интересовать совсем, она отстранилась, замкнулась в себе. После увиденной фотографии с белокурой Риткой никакие импульсы, посылаемые мозгом, не могли сдвинуть ноги ни на миллиметр в сторону. Гриша словно снова упал спиной вниз с гаража на металлический забор.

Татуировка Рите давалась тяжело. На ещё не зажившую рану наносились новые точечные повреждения, а это было весьма болезненно. Не помогала и обезболивающая мазь. Девушка, прикусив нижнюю губу, терпела. Иногда с ресницы Риты соскальзывала слеза, которую она украдкой смахивала. И мастер, видя в глазах девушки физическую муку, останавливал работу, выходил за дверь с телефоном в руках, позволяя некоторое время отдохнуть её телу и психике. Когда

мужчина возвращался, то не произнося ни слова, продолжал работу. И Рита снова терпела. Останавливались всего три раза. За сорок минут работы лишь три слезинки соскользнули с ресницы девушки. Наконец, мастер произнёс:

– Готово. Ветка готова. Цветы, как я понял, в следующий раз?

Мастер тату аккуратно наносил заживляющую мазь на только что нанесённую рану.

– Да, в следующий. И так девять раз. Каждый цветок отдельно.

– Через полгода? – спросил мужчина.

Девушка улыбнулась.

– А постоянному клиенту у вас нет поблажек?

– Постоянному есть.

Мужчина приложил кусок бинта к бедру девушки и крепко приклеил его пластырем.

– Плачу за каждый цветок отдельно, – проговорила девушка.

– Две тысячи каждый шарик, ветка бесплатно, – проговорил мужчина.

– Договорились, – не задумываясь, ответила девушка.

– Ваш шрам словно скальпелем нанесён, ни времени вам не жалко, ни денег, цветы только по одному – зачем вам эта ветка, Рита? – спросил мастер, теряясь в догадках.

Девушка опустила глаза, а когда их подняла, то слёзы одна за другой побежали по щекам. Магик отвернулся, стал скла-

дывать инструменты в ванночку.

– В следующий раз когда? – спросил мужчина, не поворачиваясь.

Шмыгнув носом, Рита ответила:

– Можно по договорённости, если это вас не затруднит.

– Не затруднит, телефон у вас мой есть, звоните. Тогда до следующего раза, Рита.

– Да, Макар Константинович, – Ритка подтянула резинку от спортивных штанов вверх, соскользнула с кушетки. – До следующего раза.

Мужчина резко повернулся, но Рита, уже открыв дверь, вышла в коридор. Рана при ходьбе болела, напоминая девушке о дне, когда Мотя выбил из её рук скальпель.

8. Начало игры

В отделе канцтоваров Рита купила десять тетрадей по восемнадцать листов в клетку. На обложке красным маркером крупно написала: Чернов Максим Григорьевич – пятьдесят лет. Открыв первую страницу, она каллиграфическим почерком начертила: «Управляющий банком». А там, где крутятся деньги, всегда тусуются молодые акулы. Ниже следовали общие сведения: название банка, адрес проживания и фото из паспорта. На следующий день появились новые детали: марка автомобиля, приметы внешности, излюбленный стиль в одежде, название кафе, где он обедал, и с кем. Ниже: молодая жена – бухгалтер, работает там же, обедает с ним. Фото жены. И приписка: «Много времени проводят вместе – не разлей вода». Следующая запись: «К родителям в гости – тоже вместе». Рита караулила Максима Григорьевича уже неделю и не находила в его плотном графике ни минутки для знакомства с ней. И вот возникло окно в супружеской жизни – в субботу днём он встречался с друзьями в бильярдной. Заблокировав его авто своим, Рита водрузила табличку с номером телефона на лобовое стекло и, с хищной ухмылкой, устроилась в кафе напротив. Через полтора часа телефон в её сумочке заголосил.

– Алло! – прогремел в трубке разъяренный бас. – Вы подпёрли моё авто! Я не могу выехать со стоянки!

– Ой, простите! – сладко промурлыкала Рита. – Сейчас выйду и переставлю машину на ваше место. Я совсем рядом, в кафе напротив, у меня здесь встреча.

Ритка сбросила звонок и, рассчитавшись с официантом, словно козочка, поскакала на каблуках на улицу. Завидев приближающуюся к нему ослепительную молодую девушку, мужчина расцвёл в улыбке.

– Ещё раз прошу прощения, – мелодичным голосом пропела Рита. – Похоже, меня бесцеремонно кинули. Прождала, как дура, впустую. И кофе не допила, и вас задержала.

– Ну что вы, что вы, – отозвался мужчина, смягчив голос до бархатистых ноток. – Я бы и сам не прочь выпить чашечку. Составите компанию?

– С превеликим удовольствием, – прощепетала Ритка. – Давайте вернёмся в то самое кафе, там такая милая атмосфера. И парковаться повторно не придётся.

– Это да, – мужчина вновь бросил взгляд на свой автомобиль, зажатый малолитражкой. – В таком случае, теперь мой черёд угощать.

– Я, вообще-то, здесь по работе, и бухгалтерия, скорее всего, выдаст деньги на представительские расходы, но от кружки бесплатного кофе не откажусь.

Ритка крутнулась на каблуках и, грациозно покачивая бёдрами, заскользила обратно к кафе. Максим Григорьевич двинулся за ней. Девушка вновь устроилась за прежним столиком, пристроила сумочку на соседний стул и, выгнув спи-

ну, устремила взгляд на мужчину.

– Официант! – властно воззвал Максим Григорьевич. – Меню, пожалуйста.

К столику подошёл молодой человек с меню в руках.

– Мне капучино без сахара с корицей и пирожное... как же его... ах да, шоколадное такое с малиновой начинкой внутри!

– А вам? – обратился официант к мужчине.

– Чёрный кофе и чизкейк, классический.

Черкнув заказ на бумаге, парень взял меню и удалился.

– А вы, позвольте поинтересоваться, чем занимаетесь, если даже в субботний день трудитесь? – спросил мужчина, не скрывая любопытства.

– Я из рекламного журнала, фотограф. Занимаюсь тем, что ловлю в объектив медийные лица.

– И что за журнал?

– «Деловые люди». Задумали рубрику новую открыть: «Деловой инстаграм месяца». Первая встреча, и такой облом. Первый блин комом, можно сказать.

– Кто же вас так подвёл?

– Да ресторатор один, не хочу даже называть его фамилию, не заслуживает он того. Пусть теперь локти кусает, извинения приносит. Скажу ему, что нашла более достойного героя, – всё так же мелодично проворковала девушка.

– Может, я смогу вам помочь? – неожиданно предложил мужчина.

– Каким образом?

– Сыграю роль делового человека месяца.

– Мне нужны свежие, незаезженные лица, добившиеся признания в своей сфере.

– Поверьте, я именно тот, кто вам нужен.

– А вы кто по роду деятельности?

– Вроде как директор банка.

– Да ну! – правдоподобно удивилась Ритка.

– Уверяю вас, это непреложный факт, – мужчина расплылся в довольной улыбке.

– Вот это удача! Вы меня просто спасли. Сделаем пару-тройку фотографий, в формате инстаграма, а рядом что-то типа поста. Краткий вопрос – краткий ответ. Сейчас мало читают, в основном фотки лайкают.

Ритка извлекла из сумочки блокнот.

– Как вас зовут?

– Максим Григорьевич Чернов.

Ритка торопливо занесла имя в блокнот.

– А вас, позвольте поинтересоваться? – в свою очередь спросил мужчина.

– Меня? Меня... Марина Бабина, – ляпнула Ритка.

– Марина, значит, – промурлыкал Чернов, задумчиво потягивая кофе и отламывая краешек тающего во рту чизкейка, принесённого официантом минутой ранее.

– Предлагаю на следующей неделе встретиться, – продолжила разговор девушка. – Вечером вам будет удобно? Я

сформулирую вопросы для небольших таких... блиц-ответов. После сфотографирую вас в естественной среде, что-то вроде сценической зарисовки вашего хобби. Правда, чтобы протолкнуть рубрику, мне нужно собрать материал на нескольких известных кандидатур, поэтому в журнале материал появится не раньше чем месяца через два-три. Многие отказываются так долго ждать. А вы готовы?

– Я готов. Когда встречаемся в следующий раз?

– Я сброшу вам сообщение на телефон с датой и местом. Теперь у меня есть ваш номер. Так устроит?

– Прекрасно. И ваш номер у меня, – просиял мужчина.

Рита говорила с ним по маминому телефону, который был оформлен на организацию, но числился еще на матери – своего рода страховка, чтобы в случае чего её не вычислили слишком быстро.

– Вот и договорились, значит, на созвоне. А сейчас не буду такой назойливой, пойду и отгоню свою машину. И в следующий раз за кофе за мой счёт, – произнесла девушка, опуская телефон в сумку.

– Там и решим, – ответил мужчина, сунул купюры под блюдце и поднялся. – А сейчас провожу вас до машины, Марина.

– Хорошо, – замешкавшись, ответила девушка, забыв вымышленное ею же имя. Ритка встала, взяла сумочку и, покачивая бёдрами, направилась к выходу.

– Марина, а может, мы поужинаем как-нибудь вместе? –

словно невзначай бросил он.

– Почему бы и нет? Можем хоть завтра, я успею набросать вопросы к вечеру.

– Замечательно, тогда завтра. Я ближе к вечеру напишу вам эсэмэс с названием кафе.

– Буду ждать с нетерпением, – пропела томным голосом Ритка, села в машину и резко дала по газам. Белая «Хонда», мигнув поворотником, вырвалась на дорогу. Мужчина смотрел ей вслед, забираясь в свой джип, и расплылся в широкой улыбке. Он словно сбросил несколько лет, настолько его обрадовала столь неожиданная и приятная встреча.

Через десять минут на телефон Риты прилетело три сообщения. Три её фотки с Черновым в кафе, где она вполоборота, а вот Максим Григорьевич анфас и с огромной улыбкой на лице жуёт чизкейк, на второй он достаёт деньги, чтобы расплатиться, а на третьей в упор смотрит Ритке ниже пояса, когда идёт за ней. Обратно на телефон официанта из кафе полетел платёж в триста рублей в виде платы за небольшие, но качественно выполненные услуги.

Зайдя в фотоателье, Ритка распечатала на бумаге три фотографии и аккуратно сложила их в конверт. Придя домой, девушка набросала на лист бумаги несколько вопросов: «Ваш девиз по жизни?»; «Детская мечта?»; «Поступок, которым вы гордитесь?»; «Один из любимых фильмов»; «Лучшая мотивационная книга». Рита набила вопросы на лист, чуть ниже отзывы пользователей типа: «Прикольно», «Возь-

му на заметку», «Тоже нравится», «Обязательно прочту» и тому подобные мало что выражающие фразы. Оставалось вставить ответы и фото героя в пустые места, и готово. И выбрать необычные локации для съёмки пяти фото.

– И где мне его фотографировать? – думала Рита. – Допустим, одна – на рабочем месте, пусть сам себя сфоткает и вышлет, появляться в его офисе – лишний раз светиться. На улице, в парке, нет – скучно, лучше в машине, потом втихушку и себя в ней щёлкну. Ещё можно у памятника основателям города, Ленку попрошу, чтобы она сфоткала нас со стороны, на пробежке в парке или в тренажёрном зале, ну и за ноутбуком в кафе. А как мне его в постель-то затащить? Домой к себе нельзя. Нужно намекнуть, что я не против интима, но как? Выпить, да прямо и сказать ему, что заводит меня... его улыбка, нет – лучше мужественное лицо.

Девушка набросала список возможных мест для фотографий. Ритке уже самой нравилась придуманная ею идея «делового инстаграма» – быстро и незатратно. Для правдоподобности фотки Рита собиралась делать отцовским фотоаппаратом, который без дела валялся на антресолях. Отца в своё время это новое увлечение не захватило, и теперь камера как нельзя кстати подходила для антуража. Оставалось найти помощника, который бы зафиксировал сам момент съёмки, и Рита позвонила Лене – институтской подруге. Узнав мотивы, девушка согласилась без особых колебаний.

Максим Григорьевич на следующий день, в районе обеда, сбросил название и адрес ресторана, где будет ждать её вечером. И Ритка просто ответила: «Ок». Подобрав Лену по дороге, она в шесть тридцать отправилась на встречу с Черновым. Высадив Ленку пораньше, Рита заехала на парковку и, подождав, пока подруга войдёт внутрь здания, плавно двинула в сторону ресторана. На ней были белые брючки, подчёркивающие все округлости фигуры, и бежевая шёлковая рубашка с глубоким вырезом, на плече висела большая белая сумка, в которой лежал фотоаппарат. Цокая каблучками, Рита вошла в ресторан и, махнув рукой, подошла к столику, где сидел Чернов.

– Здравствуйте, Марина, вы почти не опоздали.

– Добрый вечер, Максим Григорьевич. Парковалась долго, места не было, – соврала Ритка. – Рада, что вы не передумали и пришли, я принесла эскиз проекта. Сейчас покажу.

– Это хорошо, у меня было время изучить меню, и я выбрал в качестве горячего рыбу и себе, и вам, ничего?

– Рыба – хороший выбор, – произнесла Рита и достала листок со схемой. – Вот, смотрите, сегодня запишем ответы на вопросы и сделаем пару фоток.

Мужчина уставился в листок.

– Просто мне не совсем понятен ваш подход, – начал мужчина издалека. – Я, конечно, слышал про инстаграм, но у меня его нет, мне интервью привычней будет, я сторонник старой школы.

– Понимаю, только я не журналист, я фотограф и много текста писать не могу, – сказала Ритка. – Сейчас инстаграм на хайпе, так что вы будете в топе.

– А на хайпе, это как? – спросил мужчина.

– В моде, в тренде, короче, модное новшество.

– Понятно, тогда будем хайповать.

– Начнём с вопросов, ответ должен быть лаконичным. Я уже говорила, длинные тексты сейчас мало читают.

– Хорошо.

– Вопрос первый. Ваш девиз по жизни?

– Если вас толкают в спину, значит, вы первый, – ответил мужчина.

– Да, очень хорошо. К этой фразе вы мне фото из рабочего кабинета пришлите. Справитесь без меня?

– Справлюсь.

– Тогда второй вопрос – ваша детская мечта?

Мужчина задумался.

– Всегда хотел большой чёрный джип в детстве.

– Вижу, сбылось, – засмеялась девушка, – тогда сделаем фотку за рулём машины, это дополнит картинку. Третий вопрос. Поступок, которым вы гордитесь.

Мужчина задумался, но в этот момент официант принёс заказ и стал расставлять на столе тарелки.

– А вот и рыба, – обрадовался мужчина, уходя от вопроса.

– Выглядит аппетитно, давайте есть, пока не остыла, – предложила Ритка, отложила ручку и взялась за приборы.

Минут десять говорили о рыбе. Максим Григорьевич рыбачил по молодости, да и сейчас временами баловался рыбалкой. Не из заядлых, но говорить об этом любил. Ритке не особо нравилась эта рыбная тема, но она поддакивала, мотала головой, улыбалась, хотя ей больше всего хотелось залезть в телефон и посмотреть почту. Но ей приходилось проговаривать вслух рыбные места в области, запоминая их. Наконец, рыба была съедена, и разговор о рыбалке сошёл на нет.

– Чай с мятой и пирожное? – спросил мужчина.

– Чай буду, десерт просто некуда, а вы заказывайте. Давайте вернёмся к вопросам. Есть поступок, совершённый вами, которым вы гордитесь?

– Воспитал сына – достойную замену в бизнесе.

– Хороший ответ. Может, вышлете фото с сыном, было бы неплохо.

– Есть только старые фото, свежих нет.

– Тогда дальше, любимый фильм?

– «Офицеры».

– И последний – любимая книга.

Мужчина задумался.

– «Преступление и наказание», – проговорил он.

– Хороший выбор.

Принесли чай.

– Так, теперь разберёмся с фотографиями. С работы фотку вы вышлете мне сами, у машины сфоткаемся сегодня, предлагаю ещё у памятника около фонтана на площади – это

через дорогу. Ещё бы на пробежке или в зале щёлкнуться – было бы круто.

– Я со спортом не в ладах, да и спортивной формы у меня нет.

– Купите. Сейчас спорт актуален. Только спортивные вещи берите неброские, потом и на рыбалку сгодятся.

– Для рыбалки у меня есть специальный костюм.

– Может, у вас есть фото с рыбой? Это было бы интересно.

– Есть парочка, но они старые.

– На пятом фото нужно что-то интересное. Необычное.

– Может, с собакой? – выпалил мужчина.

– Хорошо придумано, вы спасаете меня своими идеями.

Сегодня снимаем в машине и у фонтана, завтра в парке или на стадионе, а фото с работы и с собакой вы мне вышлете сами. Итого получается пять.

– Договорились, – сказал мужчина и отхлебнул чай.

Вечером Рита просматривала фотки, которые ей отправила Лена. Ни на одной фотографии Риткиного лица не было видно, зато присутствовали: соблазнительные изгибы, аппетитная попка и человеческие силуэты в машине. «Молодец, Ленка – хорошие кадры». На следующий день пришли фото от Чернова, где он за рабочим столом и на прогулке с собакой – рыжим мопсом. Ритка вставила фотки, рядом набила ответы, добавила к отзывам молодёжные эмодзи, и теперь хештег #деловой инстаграм ожил. Оставалось одно пустующее место для фотографии – спортивная тема.

«Завтра нужно конкретно намекать на интим», – решила Ритка. Девушка достала из маминой тумбочки таблетки – сильнодействующие антидепрессанты. Ритка однажды испытала их действие на себе, она выпила таблетку, когда ей было невыносимо скверно, и уже через десять минут она спала крепким сном младенца, да таким, что утром не услышала звонка будильника на телефоне. В тумбочке лежало всего две упаковки, в каждой из которых по десять штук – итого получалось девятнадцать таблеток, без одной. Ритка отрезала маникюрными ножницами от серебристого блистера¹³ ещё две и положила их в сумочку, так, на всякий случай.

Следующим вечером она вместе с Леной приехала в городской парк. На себя Рита надела короткие джинсовые шортики и белую футболку, а волосы собрала в высокий хвост, она знала, что выглядит сногсшибательно. На неё и вправду хотелось смотреть и смотреть.

– Короче, Лен, фоткаешь меня, как и вчера, в основном сзади, чтобы лицо не попадало в кадр. Ну и фотик, чтобы у меня в руках меньше светился. Постараюсь к Чернову чаще подходить без аппаратуры. Вчерашние фотки отсняты круто, претензий никаких – одно восхищение.

– Да ладно тебе, скажешь тоже, – смущаясь, ответила Лена. – Интуитивно получилось, женская солидарность подстёгивала.

– Ценю, благодарю, хорошее запоминаю надолго, – сме-

¹³ Твёрдая полимерная упаковка для таблеток.

ясь, ответила Ритка и заспешила на встречу вглубь парка. Лена засемила вслед за подругой.

Съёмка длилась минут пятнадцать. Меняя ракурсы за спиной главного героя, Рита заботливо поправляла то волосы Чернову, то воротничок, случайно прижимаясь к мужчине, а после и вовсе предложила выпить кофе в кафе.

– Ну вот и всё, а так не хочется расставаться с вами, Максим, я уже как-то попривыкла к вам. Вы такой умный и внимательный, говорить с вами интересно. Комфортно очень. Теперь мне придётся искать следующего кандидата, опять созваниваться и напрашиваться на встречу.

– Марин, может, ещё раз встретимся? – спросил мужчина.
– Сходим куда-нибудь.

– Я не против, можем в пятницу, буду без машины. Посидим – выпьем вина.

– А давайте в субботу часов в шесть.

– Хорошо, я к тому времени доделаю весь проект и покажу его вам в телефоне.

– Хорошо. Завтра напишу, где буду ждать вас в субботу.

Фотографии, сделанные Леной, были хороши, профессионал – ни дать ни взять, все требования учтены. Оставалось последнее – секс.

В субботу Ритка была сногшибательна. Короткое платье синего цвета, высокий хвост, стройные ножки на каблукках, в сумке через плечо две таблетки быстродействующего снотворного, перемолотые в порошок. Встретились в рестора-

не — выпили, вспомнили молодость Максима Григорьевича, потом социализм. Выпили ещё, после танцев у бара вместе с молодёжью — выпили снова. И девушка, словно ляпнув невзначай, предложила купить бутылку шампанского и выпить её в номере без свидетелей. Тет-а-тет. Глаза мужчины загорелись, он засуетился, тут же по телефону снял номер в гостинице и вызвал такси. Отель был дорогим, номер роскошным, минимализм в интерьере, но мебель шикарная и больших размеров. Открыли шампанское и небольшую коробочку с десертом, купленным в ресторане, — клубнику в шоколаде. Максим Григорьевич включил с пульта телевизор, пощёлкал каналы, стал искать музыку. В этот момент Ритка и всыпала порошок в его бокал, который лёг осадком на дно. Его определённо нужно было размешать. Девушка взяла металлическую проволоку, которой удерживалась пробка, быстро выпрямила её в длинный черпачок и два раза крутанула ею в напиток Максима Григорьевича. Не зная, куда спрятать улику, она сунула проволочную конструкцию в свой бокал и, повернувшись к мужчине, стала громко бултыхать ею в шампанском, демонстрируя, что таким нехитрым способом избавляется от углекислого газа, находящегося в напитке. Нечто подобное она видела в каком-то фильме и воспользовалась идеей сейчас. После нехитрого ритуала Рита без всяких утаек отбросила проволочку в сторону и отпила из своего бокала.

— Я быстро, в душ и обратно.

– Не надо мыться, мне нравится запах женского тела.

– Я только припудрю носик и вернусь. Давайте выпьем, – предложила Ритка.

Мужчина взял своё шампанское со стола и, чокнувшись, выпил половину. Ритка подтолкнула бокал к губам мужчины.

– Допивайте, я налью ещё, а вы пока расстегните мне замок на спине.

Мужчина залпом допил напиток и потянул свои мясистые руки к девичьему телу. Замок расстегнулся легко, рука скользнула по голой спине, и влажные губы прильнули к шее Ритки. Её передёрнуло. Она не собиралась спать с этим мешком дряблых мышц.

– Максим, расправляйте кровать, я быстро вернусь, – произнесла девушка и, сунув ему в руки свой бокал с шампанским, скользнула за дверь.

Мужчина вытер вспотевшее лицо рукавом, отпил из бокала девушки, стал быстро расстёгивать пуговицы на рубашке.

Ритка, включив воду, сидела на краю ванны и размышляла: «Через десять минут он уснёт, хотя такой боров вряд ли отключится так скоро. И он действительно думает, что двадцатилетняя девушка станет с ним спать по любви? Он, как вымирающий мамонт, может быть интересен лишь единицам, мне его мысли, поступки, его воспоминания и пристрастия чужды. Между нами тридцать лет разницы – это пропасть. У меня активная и интересная жизнь впереди, у него

почти вся позади. Он мне как отец, что он может мне дать, кроме нравоучений. А ещё эти мокрые, слюнявые поцелуи».

В дверь постучали.

– Мариночка, ты скоро? Я жду тебя.

«Ты... тебя», – Ритку снова передёрнуло.

– Да, Максим, ложитесь в кровать, я выхожу, вас ждёт стриптиз. Вы же хотите увидеть сексуальный танец?

– Да-да, – залепетал мужчина. За дверью слышалась тяжёлая поступь, удаляющаяся вглубь комнаты.

«Ладно, мой бедный подопытный бычок, продолжим игру». Ритка стянула платье, оставшись в трусиках, лифчике и чулках. Когда девушка вышла, мужчина уже спал крепким сном, оставалось сделать компрометирующее фото. Ритка взяла бутылку и бокал, стоящие рядом, и вылила содержимое в раковину, смыв остатки шампанского водой. Бутылку она положила на пол около кровати со стороны мужчины, бокал поставила на свою тумбочку. Теперь оставалось фото. Ритка отбросила одеяло и легла рядом с мужчиной. Закрыв ему глаза рукой, словно дурачится, она положила его руку себе на бедро, как будто он тянется к её аппетитной кругленькой попке. На следующем фото она склонилась над ним, словно целуя, после села на шею, упираясь животом в подбородок. Стринги телесного цвета сзади были не видны. Набросив на мужчину полотенце, она села ему на живот, в кадр попадали закрытые глаза мужчины. «Ну ничего, он же мог и моргнуть», – решила девушка и, выбрав в телефоне

функцию «непрерывная съёмка», нажала на кнопку. Внезапно мужчина схватил её за бёдра, открыл глаза, привстав, зарычал: «Да, детка, да». Это и сфотографировал телефон, поставленный на серийную съёмку. Ритка, испугавшись, свалилась на пол, больно стукнувшись рукой о бутылку. Когда она поднялась, мужчина, перевернувшись на бок, спал, громко похрапывая. Взяв с кровати подушку, Ритка бросила её на диван и отправилась в ванную. Смыв с себя пот мужчины, она надела белый махровый халат и легла на диван, ей для правдоподобности нужно было побыть в номере ещё некоторое время.

Почему она решила набить на тело именно девять цветков, ни больше ни меньше, а ровно девять? Откуда взялась эта цифра? Девять искорёженных жизней должны снять её тоску и боль по утрате матери? Девять. Почему девять, ведь в её списке десять человек? Девять дней. Девять кругов ада. А может, веря в любовь, она оставила хоть одному человеку из списка шанс на спасение своей души? Нет. Мама любила цифру девять. Она считала, что девятка похожа на эмбрион – на головастого эмбриона, живого и думающего. Ей нравилась следующая закономерность: при умножении любого числа на девять сумма чисел в получившемся числе, приведённая к однозначному числу, всегда была девятка. Универсальный признак делимости ей казался мистическим и не поддающимся логике.

Ритка замёрзла. На часах два ночи. Она встала, вырва-

ла из маминого блокнота страницу и, меняя наклон почерка, написала: «Отец дозвонился, орал, ищет меня с полицией. Уехала домой. Марина». Вернув подушку на кровать, она смяла простыню со своей стороны и положила листок на подушку. После, одевшись, девушка выключила телевизор, бросила халат на пол со своей стороны кровати и тихо вышла из номера. Добравшись домой, Ритка написала сообщение Максиму Григорьевичу: «Отец отлупил, сижу под домашним арестом. Позвоню сама». Тут же отправила послание незадачливому любовнику и выключила телефон. После разделась и рухнула в постель – дело было сделано. Мужчины попался на крючок, но её главной целью был не он.

Разбудил Ритку запах блинчиков. Девушка улыбнулась и тихо проговорила: «Бабушка». Встав, она надела халат и отправилась на шум, доносившийся из кухни. Мотя с блином в зубах выскочил в коридор и, проскользнув мимо ног девушки, заскочил в спальню мамы. Он точно знал, что вытащить его из-под двуспальной кровати никто не сможет.

– Вот проныра, стащил-таки блин, – кричала женщина, снимая лопаткой готовый блинчик со сковородки. – На секунду отвернулась ведь.

– Привет, ба, как я рада тебя видеть! Мотя, как и я, фанатеет от твоих блинчиков. Тут я его понимаю.

– Доброе утро, моё золотце, садись, будем завтракать, – женщина чмокнула девушку в макушку.

Выключив сковороду, бабушка с внучкой уселись пить

утренний кофе с блинами со сметаной, а Мотя, выглядывая из коридора, сидел и ждал, когда его позовут.

Вечером Рита вложила в два больших конверта по письму, напечатанных ранее, и стопку фотографий, указывающих на измену Максима Григорьевича Чернова. Купив пиццу и небольшую пустую коробку на вынос, Рита подъехала к дому Чернова. Дождавшись, когда он выйдет гулять с собакой в сквер через дорогу, девушка поднялась на шестой этаж и, натянув бейсболку на самые глаза, надавила на белую квадратную кнопку дверного звонка. Послышался дребезжащий звук, дверь открылась, и в проёме появилась женщина в белом шёлковом халате.

– Доставка пиццы, заказ оплачен, мужчина внизу расписался в получении. В конверте письмо для вас, – быстро проговорила Рита, сунула коробку в руки женщины и, развернувшись, направилась к лифту.

Молодая женщина вошла с коробкой пиццы на кухню, открыла конверт, достала сложенный пополам лист бумаги и фотографии. Просмотрев снимки, она безвольно уселась на стул, роняя их на пол. Руки её опустились, повисли плетью. Да разве она заслужила такого отношения к себе? Взяв белёущий на столе листок, развернула. Сверху страницы был набит небольшой текст с яркой, бросающейся подписью в самом низу – «Твоя совесть». Женщина бегло пробежалась глазами по написанному.

«Твоё время прошло, пришло время молодых и дерзких.

Теперь тебе придётся всю жизнь оглядываться по сторонам, боясь, что кто-то отхватит кусок от твоего пирога. Знаешь, а охотниц типа меня немало. Правда, мне твой пирог пришёлся не по вкусу, хочу ещё жирнее. Согласись, я заслуживаю большего. Так что чаще смотри по сторонам, кругом так много молодых и голодных акул, но мне ли тебя учить – ты сама всё прекрасно знаешь. Можешь устраивать разборки, можешь просто проглотить обиду, но свой кусок пирога я уже съела.

Твоя совесть».

Женщина ещё раз перечитала письмо. Вернулся её личный бумеранг возмездия – сначала отняла она, теперь отняли у неё, а ведь столько сил было потрачено, чтобы попасть в эту красивую и богатую жизнь. Женщина открыла коробку. В круге пиццы, вкусно пахнущей сыром, не хватало одного куска. Вскочив на ноги, женщина резким движением смахнула коробку на пол, чувствуя себя преданной и брошенной. Сетую на несправедливость судьбы, она достала из шкафа бутылку вина и, открыв её, наполнила бокал пурпурной жидкостью. Усевшись на пол рядом с лежащей около стола коробкой, женщина открыла её, взяла кусок пиццы и откусила от него. Глаза заволокло слезами. Прожевав и проглотив измену, женщина решила жить с этим дальше – терять то, чего она так долго добивалась, ей совсем не хотелось. Запивая пиццу вином, она рвала фотографии на мелкие кусочки, оплакивая свою молодость, которая, по сути,

никому была и не нужна.

А Ритка в это время с небольшой коробкой в руках звонила в другую дверь.

– Снова вы! Проходите. Ну как, удалось отбить детскую площадку? – спросила немолодая женщина с уставшим серым лицом.

– Да, всё получилось. Я ненадолго, проходить не буду. Я к вам только, чтобы сказать... Что вы, Юлия Андреевна, вы красивая, умная женщина, и, избавившись от мужа, вы открыли себя миру. Вы словно заново родились – так живите этим. А это мой небольшой презент для вас.

Ритка сунула коробку в руки опешившей женщины и вышла за дверь, плотно закрывая её за собой. Повернув ключ в замке, женщина прошла в комнату, села на стул, положила на стол коробку и только после этого взяла в руки конверт, лежавший сверху, и открыла его. Внутри находились фотографии, доказывающие измену бывшего мужа, и письмо, адресованное его новой молодой жене. Женщина улыбнулась, просматривая фото, она видела явное сходство фигуры на снимках с хрупким строением приходившей к ней недавно девушки. Это было своего рода отмщение. Теперь и её разлучница, ровно как и она, стала жертвой молодой соперницы. И дело было совсем не в ней и не в её возрасте, как она ошибочно считала до этого, просто Максим оказался обыкновенным гулякой, бабником. Элементарную похоть он маскировал под любовь, которой никогда и не было. Она от-

крыла коробку, на дне которой лежал большой кусок сырной пиццы. Женщина зачем-то оглянулась, посмотрела на дверь, где давно уже никого не было, и снова, улыбнувшись, взяла кусок и с удовольствием откусила от него. Освободившись от статуса брошенки, она переложила этот груз на другие, более молодые плечи. С удовольствием откусила ещё от куска пиццы, встала, распрямила плечи и пошла ставить чайник. Ей ужасно захотелось выпить чаю.

9. Мимоза

Ритка, с чувством выполненного долга, набрала номер Макара Константиновича и уже следующим вечером записалась на тату первого круглого цветка мимозы. А наутро немая девушка переступила порог тренажёрного зала, желая приобрести годовой абонемент. Настроение её было подавленным. Маргарита провела бессонную ночь в плену кошмарных видений. Сны были тяжёлые, путанные. Словно она кружилась на детской карусели, а вокруг мелькали размытые мужские и женские лица, норовящие плюнуть в неё. Она уклонялась, пригибала голову, но если плевок прилетал в лицо, Ритка просыпалась, подскакивала на кровати, тёрла его руками и, понимая, что это не наяву, снова забывалась тяжёлым сном, в котором опять возвращалась на бешено крутящуюся карусель. Утром, еле разлепив глаза, девушка, передвигаясь словно сомнамбула, решила, что ей просто необходимо изматывать себя физически, чтобы спокойно спать ночью. Вот тогда-то в её голове и возникла идея о тренажёрном зале.

Получив желанный абонемент, Ритка направилась прямоком в тату-салон. Макар Константинович к тому времени был уже на месте и сразу приступил к работе.

– Хотите посмотреть, что получилось? – смущаясь, спросил Магик, после того как набил пушистую горошину на те-

ло.

– Я видела ветку нарисованной – она прекрасна, – равнодушно ответила девушка.

– Разве вам всё равно, как будет выглядеть цветок на теле? Вы же видели его только на бумаге.

– Вы хороший мастер, я вам доверяю.

– Если вам не важно исполнение, значит, важен смысл, заложенный в рисунок, так? – спросил он, заклеивая рану пластырем.

Ритка кивнула, она хандрила с утра и не была настроена на разговор, но добавила:

– Извините, сегодня плохо спала, голова болит, пойду я. Спасибо вам, но мне правда нравится всё, что вы делаете. Очень нравится.

– Хорошо, Рита, не буду задерживать вас, набирайте, когда будете готовы в следующий раз, – мягко сказал мужчина, глядя прямо в глаза девушки.

– Да-да, конечно.

Ритка выдержала его взгляд, улыбнулась одними губами, встала с кресла, положила деньги на столик и, забросив рюкзачок на плечо, вышла из кабинета.

Когда девушка вернулась домой, бедро сильно болело, но Ритка, переодевшись, отправилась в тренажёрный зал. Она хотела нагрузить тело так, чтобы оно без сил упало на кровать и этой ночью лежало неподвижным, бесчувственным бревном без каких-либо мрачных снов и потрясений.

На входе в тренажёрный зал её встретил новый администратор. Ритка протянула ему абонемент и записку, в которой говорилось, что она немая. Парень, улыбнувшись, кивнул и вернул абонемент обратно, отмечая что-то в компьютере. Ритка улыбнулась в ответ. Ей нравился придуманный ею образ – никому ничего не нужно было объяснять, всё решалось быстро, без слов, и люди, узнавая об отклонениях в её здоровье, становились мягче, человечнее, что ли. В раздевалке Ритка сняла лишь джинсовую куртку, переобулась в кроссовки, взяла в руки полотенце и записку, сложенную вдвое. Серый обтягивающий костюм сидел на ней как влитой, подчёркивая все достоинства её точёной фигурки. Встав на беговую дорожку, Ритка сунула наушники в уши и включила Баха. Добавив на панели скорость, пошла быстрым шагом, чтобы ещё раз прокрутить в голове события последней недели.

«А если бы к разборкам по поводу измены подключился Чернов, и меня за мою наглость отлупили бы в тёмной подворотне? Наверное, правильно бы и сделали – любая боль очищает, оправдывает, что ли. В конце концов, не для себя же я стараюсь. Хотя... Как это не для себя? Я мщу за мать. Пока она была жива, то мучилась и переживала точно так же, как сейчас эти брошенные женщины. Вот если бы я только тогда знала об этом... Нет, моё возмездие справедливо и праведно. И моя совесть чиста».

Ритка прибавила шагу и побежала – сначала медленно,

просто чтобы перестать думать. Потом припустила быстрее. А затем – так стремительно, что энергия, вспыхнув в ступнях, ринулась вверх по жилам и ударила в голову ослепительной вспышкой. Следующие десять секунд Ритка не бежала – она летела вне времени и пространства. С ней такое случилось впервые – случайный энергетический сдвиг, магия на грани физики. И сколько бы потом девушка ни ускорялась, подобного больше не происходило. Но те десять секунд полёта навсегда остались в памяти необъяснимым чудом. Ритка бегала целый час, изматывая организм, наращивая темп, позволяя мозгу контролировать лишь положение на дорожке и больше ни о чём не думать. Она выдохлась так, что, придя домой, приняла горячий душ и рухнула в кровать. Ночью спала без сновидений, а утром проснулась с тихой уверенностью: она поступила правильно.

Жёлтые цветки появлялись на её теле в конце каждой недели, и в причудливом узоры их уже насчитывалось шесть. Шесть пушистых солнечных шариков равнялись шести разбитым молодым сердцам – и стольким же исцелённым. Схема не менялась: зачем менять то, что работает безупречно? Да и разборки с Риткой из-за измен не случалось – видимо, женщины, боясь потерять обрётённое, не выносили ситуацию на всеобщее обсуждение. И в список к банкиру добавились два ресторатора, депутат, гаишник и главврач. Ритка не особо утруждала себя изобретением чего-то нового: те же приёмы, те же наряды, отлаженный ритуал.

И вот впервые у неё случилась осечка – ей отказали. На следующей неделе отказ повторился. Две неудачи подряд с преподавателями из института, которые вроде и соглашались на инстаграм, но на большее не шли, мило отшучиваясь. Эти отказы выбивали Ритку из колеи, расшатывая доселе нерушимое понимание смысла её действий. Двое из восьми ушли к любимым женщинам и не желали больше ничего менять. Даже бег перестал спасать от гнетущих мыслей. Она понимала, что ситуация стала зыбкой, ей требовалось бесспорное подтверждение своей правоты, но Рита боялась новой неудачи – той, что могла окончательно всё разрушить.

Следующим кандидатом для возмездия оказался управляющий рынком Николай Иванович Круглов. Иначе – «начальник рынка», так все его называли. Он арендовал большой кусок земли на окраине города, разместил на нём ангар внушительных размеров и стал сдавать площади под торговые места. Оставшуюся возле ангара территорию он предлагал в субаренду под мини-павильончики, практически наживаясь на воздухе. Договор аренды был подписан на длительный срок, на двадцать пять лет, и теперь от этого клеща, вцепившегося в территорию, никто не мог избавиться, слишком уж большими по контракту получались отступные. Ритка, увидев его, сама хотела отказаться от своей затеи: он был грубоват, нагловат и вульгарен. Девушке стало казаться, что для бывшей жены его уход из семьи был настоящим спасением, а для новоиспечённой молодой – истинным наказа-

нием.

Николай Иванович говорил пошлости и грязно подкатывал, так раздувался от гордости за самого себя, что Ритка решила остановиться на одном инстаграме. Ей был неприятен этот человек. По сути, ей были неприятны все мужчины в списке, но этот – особенно. Когда Ритка дошла до последнего вопроса о любимой книге, где Николай Иванович подзавис, пытаясь вспомнить школьную программу, тогда-то в кафе и ворвалась пышногрудая губастая блондинка с накрученными кудрями. Сдунув прядь волос с густо наклеенных ресниц, она, не разбираясь, подскочила к Ритке и, схватив за волосы, стала таскать её из стороны в сторону.

– Ах ты, молодая стерва, решила меня подвинуть?! – писклявым голосом кричала блондинка. – Ты уже не первый раз около моего мужа крутишься. Ещё раз увижу тебя рядом с ним, все волосёшки повыдергаю. До конца жизни лысиной будешь сверкать!

Мужчина с удовольствием смотрел на женские разборки. Две сексуальные бабы дрались из-за него, и ему это льстило. Ритка, вывернувшись из-под руки, толкнула пышногрудую в грудь, и та с шумом уселась на столешницу, проливая кофе на стол. Тёмная жидкость тут же впиталась в подол платья. Женщина вскочила, как ужаленная, и пронзительный визг разорвал воздух:

– Это же Шанель! Ты, мелкая гадина, заплатишь мне за всё!

С вытянутыми вперёд руками она бросилась на Риту. Официант, заметив её безумный взгляд, шагнул на пути белокурой фурии, заслонив собой девушку. Но это остановило нападавшую лишь на миг. Отшвырнув парня, она настигла Ритку, впилась пальцами в её плечи и с такой яростью швырнула на стол, что та, рухнув, смахнула на пол всю посуду. Лишь звон разбитого стекла внезапно отрезвил разъярённую женщину.

– Дорогая, ну зачем так сразу? – пролепетал мужчина.
– Это всего лишь корреспондент. Она готовит обо мне мини-интервью – мини-интервью о макси-человеке. А ты устраиваешь разборки на ровном месте.

Пышногрудая ещё раз бросила взгляд на Ритку. Будь этому крашеному «доберману» сказано «фас» – она вцепилась бы зубами в Риткино горло и перекусила его без раздумий.

– Пошли, дорогая. Глянь, какой кавардак ты устроила, – улыбаясь, сказал мужчина, швырнул две оранжевые купюры на соседний столик и, шлёпнув женщину по заляпанной юбке, стал подталкивать к выходу.

Ритку поднял с пола официант.

– Настоящий быдлак. Прямо как в лихие девяностые. Я, конечно, сам не застал, но родители рассказывали. Сильно ушиблись?

– Прилично. Похоже, одним синяком не отделаюсь. Ладно, хоть под глазом фингала нет.

Парень улыбнулся.

– Может, капучино за счёт того уroda?

– Нет, спасибо. Лучше дома сварю в турке – это в разы безопаснее, – ответила девушка, взяла сумочку, телефон и вышла из кафе.

После той стычки у Ритки ныли локоть, колено и бедро. Заехав в магазин, она купила бутылку вина, коробку конфет и направилась по старому адресу Круглова.

Дверь открыла худая женщина лет пятидесяти, в очках, с гладко зачёсанными в тугий пучок чёрными волосами.

– Добрый вечер, Нина Игоревна, меня зовут Рита, я хотела бы с вами поговорить.

– У меня нет времени, я сейчас уйду, – ответила женщина.

– Я хотела бы поговорить о вашем муже.

– Проходите, – быстро сказала женщина и отступила назад, пропуская нежданную гостью. – О бывшем муже? Мы развелись. Проходите на кухню, обувь можете не снимать, всё равно собиралась полы мыть.

Ритка быстро сбросила туфли и вошла в комнату, на которую указывала женщина. Поставив бутылку на стол и выложив конфеты из пакета, девушка уселась на стул, стоящий у стола.

– Он что, умер? – спросила женщина.

– Нет. Жив-здоров, даже не кашляет.

– Тогда что случилось?

– Могу открыть бутылку. Хотите выпить?

– Хочу.

– А штопор можно? По-гусарски, одной рукой ещё не научилась.

Женщина протянула штопор. Рита быстро открыла бутылку и налила вино в пустую кружку, стоящую на столе.

– А можно ещё одну? – спросила она.

Женщина, выйдя из оцепенения, достала из шкафа вторую точно такую же и поставила на стол. Ритка плеснула и в неё вина, но намного меньше.

– Я на машине, а нынче это дорогое удовольствие – пить за рулём.

– Может, тогда чаю?

– Не откажусь.

Хозяйка квартиры нажала на кнопку чайника, и он зашумел. По тому, как он быстро выключился, Ритка поняла, воды в нём на самом дне, а женщина, ни на что не реагируя, продолжала стоять и смотреть в окно. Значит, чаю не дожидаться. Ритка взяла кружку со стола, а другую, наполненную вином наполовину, пододвинула в сторону женщины.

– Нина Игоревна, давайте выпьем за вашу свободу. Я сегодня пыталась взять интервью у вашего мужа и познакомилась с его новой молодой женой. Они просто созданы друг для друга: две гнилые половинки одного целого, два эгоиста, изматывающих друг друга ревностью. Там нет ни любви, ни теплоты, одна сплошная корысть. Вам повезло, что вы избавились от этого человека. Он слишком мелок для вас, разве

вы сами не видите?

Ритка глотнула из кружки, женщина взяла свою, стоящую на столе, и тоже отпила.

— Я всю жизнь положила на него, любила его, как дура сумасшедшая, — тихо проговорила она, — мы с ним знакомы со школы, с восьмого класса. Тогда он приехал к нам в город. Стали дружить, ну как дружить — дружил он, а я любила. Помогала ему учиться, окончить школу, поступить в университет на экономический, потом его закончить. Мне нравились в нём свобода, уверенность в себе, бесстрашие в высказываниях, то, чего недоставало мне. Усердия — ноль, но превосходное умение преподнести себя, а у меня что — уверенности — ноль, пусть и ума палата. Со мной он быстро создал фирму, набрал работников, стал заниматься перепродажей металлопроката. После поженились. Я вела бухгалтерию, оформляла договоры, просчитывала сделки и риски, чтобы подстраховаться и не попасть на мошенников. Появились деньги и, как следствие, — женщины. Я понимала, что такой темперамент трудно удержать, поэтому прощала многое. Он всегда возвращался ко мне. Потом я предложила ему новую схему — вложиться в недвижимость, и работать особо не придётся, а безбедно существовать на аренду — пожалуйста. Так появился рынок, сначала за городом, потом, при расширении, в его черте, а это уже другие деньги, сами понимаете. А теперь меня выкинули из жизни, выкинули из бизнеса, из всех благ, при разводе мне досталась только двухкомнатная квартира.

А мне пятьдесят два, детей нет, и куда я теперь?

– Он был гулякой, гулякой и остался, пусть теперь с ним мается его пластмассовая кукла. А вы, умная, самодостаточная женщина с хорошим образованием, вы должны встряхнуться, найти интересную работу, одинокого мужчину, в конце концов, с огромной семьёй и внуками, чтобы делиться с ними своими знаниями, своим внутренним миром. Его уход – это ваш шанс стать счастливой. Если честно, то я рада, что вы избавились от такого самолюбивого и ограниченного человека.

– Да-да... Найти мужчину с внуками, – тихо повторила женщина, словно эти мысли никогда не приходили ей в голову.

Ритка глотнула ещё вина и пихнула в рот конфету из коробки.

– Мне пора, Нина Игоревна, я пойду, я уже сказала то, что хотела сказать. Избавившись от мужа, вы приобрели больше, чем потеряли. Новая жена, насколько я успела с ней познакомиться, дана ему в наказание, она сведёт его с ума ревностью. А вы по судьбе были не для него – вы слишком хороши, чтобы мучиться рядом с ним. И у вас другой путь, свой собственный.

Седьмой шарик мимозы на своём теле девушка делала без всяких угрызений совести. И в тренажёрном зале Ритка всю тренировку улыбалась. Девушка появлялась здесь нечасто, раз в неделю, по выходным или в понедельник. Она приходи-

ла сюда угрюмым зверьком, глядящим в пол, уходила таким же угрюмым зверьком, только еле волочащим ноги. Но этим вечером Ритка улыбалась всем. Ивану на входе она махнула рукой, и каждому, кто был в этот вечер в зале, она улыбнулась и кивнула в знак приветствия.

Риту обожали все молодые люди без исключения: тоненькие ручки, длинненькие ножки. Их даже не смущало то, что она немая, каждый хотел сделать её жизнь теплее и радостнее, видя её нелюдимость. Рита, наоборот, отгораживалась от мужского внимания в надежде, что её немота оградит от общения, но выходило иначе. Каждый парень, посещающий зал, хотел с ней познакомиться, но не каждый решался, видя её недешёвый автомобиль, дорогой телефон и модную одежду. Она не перебивалась на одну зарплату, как они, и это останавливало сильнее, чем её немота. Ритка шагала по дорожке, испытывая тихую радость, за её спиной шагали семь женщин, которых она вернула к жизни. Добавив скорости, Ритка побежала, сегодня поднимающаяся от ступней к голове энергия была сильнее обычного. Тело от энергетических потоков затрепетало, приобрело невесомость, погружаясь в эйфорию сияющего блаженства. Рита летела над дорожкой, едва касаясь её ногами, и понимала, что счастье окрыляет во сто крат сильнее, чем банальный выброс напряжения. Она предвкушала скорый финал. До завершения татуировки ей оставалось всего два шарика мимозы. Ритка выгорала, ей больше не хотелось копаться в человеческих пороках, это

эмоционально выматывало её. Последний, девятый шарик, она оставляла для отца, эта месть была кульминационной, и вся идея задумывалась ради этого момента. Но нужен был ещё один, предпоследний, чтобы поставить точку в этом живом полотне.

Вернувшись домой, Рита вновь развернула список из десяти имён, и под цифрой десять прочла: Гиляров Макар Константинович. Девушка ещё раз впилась взглядом в эту фамилию, отказываясь верить своим глазам. Гиляров Макар Константинович – художник-монументалист, пятьдесят семь лет. От неожиданности Рита осела на стул. Магик был в её списке. Скомкав листок, она затолкала его в сумку и набрала знакомый номер.

– Алло, здравствуйте, Рита. Я ждал звонка от вас дней через семь.

– Добрый вечер, Макар Константинович, – зажурчала сладким голосом девушка, – я звоню по другому делу, по... личному. Не могли бы мы завтра встретиться где-нибудь в кафе и поговорить?

– Нет, завтра не получится, я уезжаю. Приезжайте сейчас.

– Сейчас?

– Если можете. Просто меня потом дня три не будет. Хотя можно поговорить и по телефону, экономя при этом время.

– Нет, я приеду сейчас, в какое кафе подъехать?

– А приезжайте в мастерскую.

– Хорошо. Сейчас шесть двадцать, почти двадцать пять,

буду у вас около восьми... сами понимаете, пробки, раньше никак.

– Подходит. Жду, – ответил мужчина и положил трубку.

«Без подготовки... Ну и ладно. Информации – ноль, знаю только, что женился на молодой – поисковик выдал его фамилию в конце десятки, значит, нечасто мелькает в инете. Да плевать, приеду, разберусь на месте, главное – заполучить фотки, а завтра, глядишь, получится навестить его благоверную, пока он в отъезде. Рита, а ничего, что ты рубишь сук, на котором сидишь? Общались с человеком, общались, бац – и подставила его, неблагородно как-то... не по-людски. А он – по-людски? Возмездие для всех едино, исключений не бывает, виноват – плати по счетам».

Но в глубине души у Риты теплилась надежда, что он попадёт в группу тех двух преподавателей, что сумели устоять перед её чарами. И тут, как назло, зазвонил телефон – на экране высветилось лицо Гриши. Как не вовремя.

Весь последний месяц Гриша наблюдал за жизнью Риты издалека, из аккаунтов её друзей и знакомых. Она сильно изменилась. Каждый лайк, каждая улыбка на фото жгли его изнутри, убеждая в одном: она влюбилась. И ему, инвалиду первой группы, пора перестать лелеять пустые мечты. Слабые искры импульсов в ногах – вот и всё, на что способна его нервная система. А Рита... Рита – она красивая, умная, недостижимая. Гриша морально готовил себя к тому, что навсегда останется для неё лишь другом, и это – максимальный

предел его мечтаний. Девушка тем временем почти перестала бывать у парня дома, и такое положение дел сильно выбивало его из колеи. Он забросил тренировки, целыми днями лежал на кровати и пустым взглядом буравил потолок. Игру для Риты он давно закончил, оставалось красиво оформить антураж, у него было пару своих эскизов, но основную работу он хотел провести в тандеме с девушкой. Но Ритка не приходила, её словно перестали интересовать компьютеры. Гришка взгромоздился на стул и включил комп, когда в прихожей стукнула входная дверь. Затаив дыхание, он пытался угадать шаги: родители на работе, раньше семи не жди. Кто же тогда? Шаги замерли у самой двери, словно кто-то вслушивался, есть кто в комнате или нет. Впервые за пять долгих лет по телу Гриши пробежала дрожь, вызванная страхом. Кто-то тихонько нажал на ручку и медленно, со скрипом, потянул её на себя. Гришка с замиранием сердца смотрел в тёмную полоску образовавшейся щели. Через мгновение в комнате появилась голова отца.

– Фу, пап, напугал же ты меня. Я уж было решил, что к нам забрались воры, а из меня совсем никакой защитник семейных ценностей, – Гришка улыбнулся. – А ты чего рано?

Мужчина вошёл в комнату и сел на кровать напротив сына.

– Гриш, меня сегодня на работе сократили. Утром пришёл, а мне приказ под нос. Столько лет честно оттрубил водилой, а тут такое... Чего матери говорить, даже не знаю.

Как я теперь, до пенсии ещё далеко.

– Подожди, как могут сократить водителя в транспортной компании, если большинство работников – водители? Пап, мне кажется, ты найдёшь работу лучше, чем была, тут даже не надо переживать. Водитель никогда без куска хлеба не останется, а выплаты по сокращению послужат подспорьем, пока стоишь на бирже труда.

– Мне выплатили только зарплату, я написал заявление по собственному желанию.

– Если по сокращению, то должны выплатить компенсацию в три оклада вроде или по согласованию сторон. Зачем ты написал по собственному?

– Да больно я знал, как сказали, так и сделал.

– Вот теперь возьмут на твоё место другого работника, вон таджика за ползарплаты. Кругом, куда ни глянь, пришлые с ближнего зарубежья работают, их уж и в больнице навалом. А как они могут лечить, если по-русски плохо говорят?

– Что ж мне теперь делать, сынок? Деньги-то мне доплатят, раз три оклада?

– Нет, пап, теперь уж точно не доплатят. Забудь об этом.

Мужчина молча сидел, мотая головой, словно размышляя о чём-то, затем встал с кровати, хотел было что-то ещё спросить, но, махнув рукой, вышел из комнаты. Гришке было жаль отца, не скажи он про компенсацию, отец спокойно бы искал себе новую работу, а сейчас он чувствовал себя убеждённым неудачником с тотальным невезением за плечами.

– Пап, я могу выбить эти деньги из твоего директора, правда, не очень законно – за это статья о вымогательстве светит. Но отомстить за тебя и людей, которых тоже кинули, – святое дело.

Мужчина снова появился в проёме двери.

– Как можешь? Ты же... – мужчина осёкся.

– Я умный инвалид, – улыбаясь, ответил парень. – Так ты хочешь или нет? Через мыло¹⁴ я взломаю его железо¹⁵, узнаю адреса: домашней почты, почты жены, детей и всем солью вирус. Короче, подключусь к прокси-серверу, чтобы меня было сложнее отследить, и дропну¹⁶ всю их домашнюю базу разом... ну, сотру все данные под ноль.

– Да говори ты нормально, ни слова у тебя не поймёшь. А деньги-то мы как получим?

– Продадим ему антивирус.

– А на работе тоже всё сотрётся? – испугался мужчина.

– На работе тоже могу, но там пострадают невинные, поэтому не буду. А здесь только директор и его семейство.

Парень оживился, его ждала нелёгкая работа по взлому почты, поиску сервера, через который будет организована атака, чтобы его не поймали. В голове юноши выстраивался алгоритм возможных вариаций быстрой атаки на клиента. Глаза его заблестели, он провалился в виртуальные раз-

¹⁴ Электронная почта.

¹⁵ Компьютер.

¹⁶ Удалить.

мышления. Но отец, на миг загоревшись местью, тут же очнулся и, представив Гришку в тюрьме в инвалидном кресле, произнёс:

– Нет, сынок, не надо. Ему за ложь и без нас воздастся. Не надо портить себе жизнь из-за одного прохвоста.

– Пап, прекращай верить в чудеса, человек сам кузнец своей судьбы – это же твои слова.

– Судьбы да, но не страданий для других.

– Словно твоё благородство будет оценено кем-то, – не унимался парень.

– Не хочу исподтишка. Раз не сказал в лоб, значит, струсил, а раз промолчал, не сказал, теперь кого винить? Себя, больше некого, – подытожил отец.

– Наверное, ты прав, благородство – это не разменная монета, чтобы им торговаться. Ладно, будь по-твоему.

Гришка взял телефон, у него всё ещё крутилась в голове фраза отца: «Промолчал, не сказал, теперь кого винить...» – и он набрал номер Риты Бабушкиной.

– Привет, Гриш, как дела? – быстро спросила девушка, словно видела его вчера, а не месяц назад.

– Привет, Рит, стабильненько. Давно не заходила, всё в порядке?

– Да ничё так. Будни. Событий новых мало. У тебя что нового?

– Футболка.

Ритка рассмеялась.

– Это хорошо. Я тоже немного обновила гардероб. Слушай, сегодня у меня встреча, завтра тоже, а вот послезавтра заскочу к вам на чай, поболтаем. Как родители? Мама?

– В целом всё хорошо, ну, если собралась навестить нас, тогда все подробности послезавтра. Приходи вечером, мама твои любимые пирожные купит.

– Обязательно приду, обещаю.

– Тогда до послезавтра.

– До послезавтра, Гриша.

Парень ещё минут десять смотрел в окно, улыбаясь, после чего повернулся к компьютеру.

«Благородство – это не промолчать, а помочь слабому. Мы открыто скажем подлецу, что он подлец».

Парень набил в поисковике ООО «Транспортвсем», отыскал сайт и адрес почтовика. После чего стал создавать последовательность картинок и таблиц, которые при закрытии устанавливали бы на компьютер пользователя программу удалённого доступа. Пробравшись в комп, парень хотел узнать через почту необходимые ему адреса, номера всех гаджетов господина Кривко и всего его семейства. Следующим этапом было создание вирусной программы, которая начисто бы стёрла всю информацию с электронного устройства, после чего саморазрушилась, не оставляя путей проникновения в систему. Для вируса прописывались добуквенные адреса входа, чтобы похожие адреса не пострадали при случайном совпадении. Гришка, воодушевлённый разговором с Ри-

той, решил успеть проверить всю операцию до послезавтра, чтобы рассказать девушке о программе возмездия. К вечеру программа была написана, оставалось заполнить ячейки адресов, создав жёсткие рамки для работы программы.

10. Сбой программы

Поговорив с Гришей и договорившись с ним о встрече, Ритка подкрасилась ярче обычного, распустила волосы, рассыпав по плечам шёлковым водопадом, надела бельё телесного цвета, подходящее для съёмки, и синее короткое платье. В тумбочке у мамы из двух упаковок оставалось всего три таблетки, и в сумочке две перемолотые в порошок, которые негодились ни в случае с Кругловым, ни с двумя профессорами, соскочившими с крючка до этого. «Если Гиляров станет восьмым цветком, останется всего один, а для него трёх таблеток вполне хватит». Ритка захлопнула тумбочку, подхватила сумочку и выскользнула из квартиры.

Нажимая на знакомый звонок, девушка заметно волновалась. Она ещё никогда не чувствовала себя настолько неподготовленной ко встрече с клиентом.

– Входите, Рита, – сказал Магик и прошёл в комнату. – Сейчас сварю кофе. Молоко пришлось купить свежее, помню, вы любите с молоком.

Услышав эти простые, человеческие слова, Ритка почувствовала, как ноги наливаются свинцом, а стыд обжигает изнутри. «Ещё не поздно отступить, Ритка, одумайся, пока не поздно, если трусишь. Нет, не трушу. Каждый должен отвечать за свои поступки, без исключений. Каждый». Переминаясь с ноги на ногу, она вошла в комнату, неловко шурша

пакетом.

– Я со своим, – с натянутой улыбкой девушка извлекла из пакета бутылку шампанского и коробку с любимыми эклерами. – У меня к вам предложение, а чтобы разрядить обстановку, предлагаю выпить шампанского.

– Я, признаться, особо и не напряжён. А вы сегодня восхитительны, Рита. Правда, несколько неожиданно видеть вас в таком наряде.

– А, это... – девушка виновато скользнула взглядом по платью. – У подруги сегодня день рождения был, я сразу от неё к вам.

– В вашем возрасте чаще вечером празднуют, нежели днём.

– Она вечером просто улетает, вот я и заскочила поздравить перед вылетом.

– Судя по внешнему виду, ваша подруга или мужчина, или модельер, – смеясь, произнёс Макар Константинович.

– Угадали, мужчина – ничего от вас не скрыть, – Ритка чувствовала, как вязнет во лжи. – Так вернёмся к моему предложению, – поспешно сменила она тему. – В одном рекламном журнале хочу протолкнуть свою рубрику, называется «Деловой инстаграм», ну, типа хештег и деловой инстаграм – всё, в одном слове, с фото и мини-комментариями людей, которые добились неких высот в деловой жизни. Герои рубрики – это наши родные горожане, живут рядом, по соседству, многие их знают и видят. У меня уже есть пара

кандидатур, вот решила и вас уговорить на подобную авантюру.

– Рит, ну какие у меня деловые успехи? Я всего лишь та-туировщик.

Девушка знала, что он художник, но заговорить об этом не решалась.

– Но вы же расписываете храм, это интересно, нестандартно, незамыленно.

– По вашей манере разговора, мне казалось, у вас технический склад ума, а тут – фотография. Ошибался, значит.

– Ошибались, – смеясь, проговорила девушка, чувствуя, как от лжи предательски вспыхивают щёки. – Может, всё-таки откроем шампанское?

– Так вы же за рулём, а мне рано вставать.

Разговор явно не клеился.

– Хорошо, тогда выпьем кофе с пирожными, раз спиртное не в тему. Кофе беру на себя.

– Отлично. Забавно, а ведь раньше мужчины сторонились объектива, даже передовики производства. Фотография, выставленная на всеобщее обозрение, казалась скорее женской прихотью.

– Ну почему же, фотопортрет... это некий отпечаток души, пойманный в моменте... Отражение настроения, независимо от пола, – выпалила Рита, чувствуя всю нелепость сказанного.

Словно оправдываясь, она плеснула воды из бутылки в

турку и продолжила: – Ну, признайтесь, любой мужчина ради пары снимков с серьезным выражением лица готов потерпеть. Сейчас это норма, не вызывает панического ужаса. А молоко в холодильнике? Свежее? – спросила она, грациозно разворачиваясь к нему.

– Да, свежее.

Ритка сжимала пакетик с порошком в ладонке с того момента, как зашла в квартиру, она вытащила его из сумки ещё в подъезде, и теперь напряжённая левая рука предательски выдавала её волнение.

– Вам сколько молока?

– Треть кружки. А в каком журнале планируете рубрику?

– «Деловой коммерсант». Но не уверена, что её пропустят, так, пристрелка идеи. Может, ничего и не выйдет.

Ритка налила в две одинаковые кружки молока, незаметно надорвала пакетик и высыпала порошок в левую кружку, затем налила кофе из турки до верха и помешала напиток ложечкой. После чего вновь насыпала сухой кофе в турку, залила его водой и поставила на конфорку.

– Обязательно куплю журнал, чтобы посмотреть ваши работы.

– Если всё сложится, то тираж не раньше октября, – сказала Ритка и налила подзакипавший кофе во вторую кружку. Размешав в ней молоко, она сунула ложку в кружку, стоявшую слева, чтобы пометить кофе с порошком. Телефонный звонок заставил её вздрогнуть, звук исходил из её сумки,

Ритка нервно метнулась к источнику звука, извлекая смартфон.

– Привет, ба. Нет, ещё не скоро.

– ...

– Не жди меня, я у Ленки задержусь.

– ...

– Ба, мне уже не пятнадцать, я взрослая и ответственная. К двенадцати буду.

– ...

– Я тоже соскучилась. Если бы знала, что ты придёшь, перенесла бы встречу.

– ...

– Ой, да. Забыла совсем. Точно. Прикинь, я и с тобой, и с Ленкой на одно время договорилась. Ну прости, ба. Я уже у Ленки.

Макар Константинович, не проронив ни слова, подошёл к столу. Не задумываясь, он взял ложку из левой кружки и переложил в правую. С закрытыми глазами он безошибочно находил «свою» кружку, даже среди двух абсолютно идентичных. Аккуратно поставив их на стол, мужчина открыл коробку с пирожными. Ритка обернулась и увидела, что кружка с ложкой стоит напротив её кресла.

– Ба, больше не могу говорить, извини. Завтра сама зазвоню, к обеду. Покорми Мотю и поменяй ему горшок, если не трудно. Сейчас ужасно тороплюсь. Целую вас с дедом, до завтра.

Она бросила телефон в сумку и плюхнулась в кресло.

– Макар Константинович, в вашей кружке больше молока, по цвету видно. Я себе больше плеснула. Давайте поменяемся?

– Давайте, хотя по мне так цвет одинаковый.

Мужчина переставил кружки. Теперь в его кружке торчала ложка.

– Ну что, чокнемся и выпьем до дна, – смеясь, сказала Ритка и подняла кружку вверх.

– Выпьем.

Мужчина легонько стукнул свою кружку о Риткину.

– Как у вас продвигается работа над женскими глазами? Нашли, что искали? – спросила девушка, кусая пирожное и щедро запивая его кофе.

– Двигается. набросок почти готов. Через три дня вернусь, примусь за более детальную прорисовку. Вкусные пирожные, давно такие не ел. А вы приехали поговорить только насчёт инстаграма?

– Ага, решила, что вы поможете мне по старой дружбе.

– Нет, не помогу, с прошлой жизнью я завязал. Меня перестали интересовать и золотой телец, и наполеоновские планы, хочу сделать как можно больше хорошего для людей, пока жив. Для дочери, для внучки, для прихожан храма, для простых и интересных людей, таких как вы, Рита. Я большую часть жизни эгоистически искал себя, жил, не считаясь с чувствами других. Раз человек приходит в этот мир один,

считал я, и покидает его один, никого и ничего не беря с собой, значит, нужно успевать хватать от жизни все блага по максимуму, пока жив. И пусть слабые и неуверенные живут ради других, а я не такой – я смелый, умный, талантливый, и это возвышает меня над остальными. До недавнего времени у меня было всё: слава, деньги, женщины, успех. Женщины меня любили, я позволял им любить себя. И вот в один миг всё рассыпалось. В моей жизни появилась Катя, Катерина, Катрин. Мы познакомились на какой-то клубной вечеринке. Юная прелестница была моложе меня на двадцать лет, и я поплыл...

Ритке на миг показалось, что и у неё картинка поплыла немного вправо, девушка заморгала глазами, возвращая зрению чёткость.

...А дальше развод. Отец умер, не застав этого. А моя мать, чтобы не разминивать квартиру, осталась жить с бывшей женой, она чувствовала себя обузой в наших распрях. Мне её перевезти было некуда. Я женился на молодой, влез в ипотеку. Мама умерла через год, поджелудочная...

Ритку резко повело вправо. «Блин, он что-то подсыпал мне в кофе. Чёрт, это же я подсыпала ему. И перепутала кружки. Всё, мне конец». Девушка оперлась рукой о воздух и рухнула с кресла на пол. Мужчина подскочил к ней, повернул на спину. Пульс прощупывался. Легонько похлопал по щекам, отчего Ритка, словно в дупель напившийся пьяница, сморщила нос, повернулась на бок и засопела. Макар Кон-

стантинович поднял Риту с пола и аккуратно уложил на диван, затем взял кружку со стола, из которой пила девушка, и поднёс к носу. Так и есть, кофе едва уловимо пах медикаментами. «Зачем она это сделала? – недоумевал Магик. – А что я вообще о ней знаю, может, она воровка и пришла меня грабануть. Ещё этот дурацкий инстаграм придумала. Интересно, а звонившая бабушка тоже выдуманная?» Мужчина без особых церемоний и угрызений совести достал из кармана сумки телефон, и на пол выпал листок, сложенный вдвое. Макар Константинович поднял его и развернул. На листе десять мужских фамилий с именем и отчеством, его фамилия стояла в списке последней, после цифры десять. Напротив первой фамилии рукой была сделана запись: «Фото отправила молодой жене», дальше просто «отправила, отправила, отправила», две фамилии были вычеркнуты из списка, напротив девятой стояла фраза «жена в наказание». Напротив его имени приписки не было.

Мужчина открыл Риткин список входящих звонков, последним был звонок от бабушки. Значит, бабушка реально существовала. До неё звонил некий Гриша, а ещё раньше – исходящий ему, Магику. Нажав на папку с фотографиями, Макар Константинович всё понял, когда увидел всех Риткиных инстаграмщиков абсолютно голыми и беспомощными в постели. Семь цветков на ветке, вытатуированных его же рукой, обрели зловещий смысл. Семь «отправлено» – семь погубленных душ. Он – восьмой. Оставался ещё девятый бутон

мимозы, но в списке больше никого не было.

Магик посмотрел на девушку. Её ноги судорожно дёргались, словно она убегала от кого-то или чего-то.

Ритка и сама не поняла, что провалилась в сон, в котором, вскочив с дивана, рванула в ванную комнату. Что-то пошло не так. В голове её был хаос мыслей и ни одной устойчивой. Девушка включила воду и села на край ванны. «Он сказал, что... Подожди, что он сказал? – в голове стоял гул, сжимающий виски. – Перепутала. Это я перепутала кружки и выпила порошок. Теперь он всё знает. Что я ему сказала, что я ему могла сказать? Молчать, молчать». Дверь ванной закрылась, Ритка подскочила к двери, что было сил толкнула её руками, потом ногой, после стала выламывать её плечом, тихо шепча: «Я выйду отсюда, выйду. Откройте дверь», – но снаружи громко щёлкнул засов, и сознание Риты отключилось, погрузившись в глубокий сон.

Магик смотрел на девушку, которая что-то шептала во сне, дёргала плечами, словно с кем-то или с чем-то боролась. «Кто обидел это дитя? Зачем она взвалила на себя такую ношу? Ей бы жить да любить, а она мстит, очерняя душу. Рита, Рита, этим ты не изменишь мир, этим только ожесточишь себя». Девушка, словно услышав его слова, ещё раз дёрнулась, перевернулась на бок и затихла.

Мужчина положил телефон и список фамилий обратно в карман сумки, взял чистый лист бумаги и мелким ровным почерком написал: «Рита, вы перепутали стаканы, от-

чего уснули так крепко, что не разбудить. Я уехал этим же вечером к дочери, вернусь только в среду. Звоните насчёт восьмого цветка, я без вашей помощи наказал себя, теперь сожалею о своих поступках. Будете уходить — ключ положите в почтовый ящик. Не прощаюсь. Магик».

Проснулась Ритка от яркого солнца, усни она на пляже под таким палевом, сгорела бы до костей. Уткнувшись взглядом в плотные зелёные шторы, девушка подскочила на диване. По плану она должна была проснуться в своей постели. Глаза скользнули вниз: синее платье находилось на ней.

— Макар Константинович! — громко позвала Рита мужчину.

Никто не откликнулся.

— Дома есть кто? — спросила девушка и встала с дивана. Постучав в дверь ванной комнаты, Рита снова позвала мужчину по имени. Осторожно приоткрыв дверь, она заглянула внутрь — пусто. В квартире никого не было. Ритка вернулась в комнату, её сумка лежала на стуле, на том же месте, где девушка оставила её вчера. «Может, всё обойдётся... и о моём провале никто не узнает?» — промелькнула робкая надежда. Но записка, оставленная на столе, говорила об обратном. Магик всё знал. То ли она ему всё рассказала, то ли он каким-то образом сам догадался. Девушка достала телефон, на экране высветилось время — час дня. Ритка из списка последних звонков выбрала номер Магика и нажала вызов.

— Это я, Рита, — выпалила девушка первой.

– Выспались?

– Конкретно. На неделю. Можно я выпью у вас кофе? Пирожные на столе остались...

– Конечно, кофе в шкафу. А когда будете уходить, ключ...

– Брошу в почтовый ящик, – прочитала в записке. – Я хотела бы извиниться, похоже, я всех без разбору «стригу под одну гребёнку», думаю, мне стоило просто с вами поговорить по душам.

– Для тату вам требовалось девять цветков, поэтому очередь не должна была дойти до меня, – смеясь, сказал мужчина.

– Вы правы, я не сразу поняла, что это вы. Только вчера вечером, прочитав вашу фамилию в...

– Я всё знаю, пришлось взять из сумки телефон, чтобы в случае чего позвонить родственникам. Вы рухнули на пол, словно вас хватанул удар. Напугали меня до смерти.

– Извините и за это, – тихо проговорила девушка.

– Молодости свойственны ошибки, я прощаю вас, Рита, надеюсь, ваша цель благая. А девятый цветок – это кто?

Девушка не ответила.

– Похоже, этот человек обидел вас первым, и это сильно зацепило. Психологическая неприязнь возникает, когда ситуация выбивает из колеи в первый раз. Это был ваш отец?

У Ритки язык прилип к нёбу.

– Я перезвоню вам, Макар Константинович, чуть позже, насчёт следующего цветка.

– Хорошо, Рита, но пусть восьмой будет моим, а с девятым разбирайтесь сама.

– Спасибо, – ответила девушка и положила трубку.

Умывшись, Ритка прибрала диван, сварила кофе, помыла посуду. Ни телевизора, ни радио в квартире не было, поэтому девушка с головой погрузилась в безрадостные думы. Но, бросая ключ в почтовый ящик, Ритка уже знала точно, что не отступит. Для себя она решила:

«Исключений не будет. Ни для кого. Без завершающего возмездия весь мой план превращается в полную бессмыслицу, в обыкновенный фарс. Девятым будет отец, как я и планировала, только после этого я начну жить и дышать, а пока я мертва... Мертва душой. И месть отцу – единственное средство, которое избавит меня от гнетущей боли и тоски. Другого выхода просто нет».

Девушка села в автомобиль мамы и поехала домой, ей хотелось принять душ, смыть всю усталость и напряжение. А ещё предки ждали её к обеду, но, судя по времени, борщ придётся есть на полдник.

11. Знание – сила

Гришка проснулся с первыми лучами солнца. Зарегистрировавшись на чужом сервере под именем Немо, он отправил установочную программу на адрес господина Кривко, завуалировав её под невинным названием «Свадебный заказ». Кривко, увидев в своём ящике письмо с манящим заголовком, с предвкушением открыл присланный файл. На экране вспыхнула череда окон, предлагая простой выбор: «Загрузка программы: да/нет». Мужчина, не подозревая подвоха, машинально выбрал «нет», запуская тем самым необратимый процесс установки. Вскоре первое окно закрылось. Второе нажатие на «нет» сохранило программу на жёсткий диск. Третье мгновенно активировало вирус, и на долю секунды на мониторе мелькнули ID-код и пароль, и зафиксированные безжалостным Print Screen данные были отправлены прямым Григорию Потапову. Четвёртое окно закрыло все приложения, оставив работать лишь удалённый доступ. Кривко с облегчением выдохнул, радуясь, что навязчивые окна исчезли, а компьютер, на удивление, продолжал работать.

Антивирусник, не видя в загруженной программе опасности, пропустил её установку, не выдав ни единого предупреждения о появлении незваного гостя. Заполучив заветный пароль, Гришке оставалось лишь дожидаться, когда Кривко оставит свой компьютер без присмотра, к примеру, отпра-

вится на обед. В двенадцать пятнадцать Гриша набрал номер телефона ООО «Транспортвсем» и попросил к телефону директора, господина Кривко. В ответ ему предложили перезвонить через час, мотивируя это обеденным перерывом, а лучше через полтора, чтобы уж наверняка застать его на месте. Не теряя времени, Гриша, вооружившись украденным паролем, проник через удалённый доступ в компьютер Кривко. Порывшись в почте, он нашёл все интересующие его адреса и телефоны. Заметать следы кибервторжения он не собирался, за него это сделает вирус, которого он намеревался запустить чуть позже. Оставалось лишь вписать адреса в пустые ячейки вирусной программы и запустить механизм рассылки.

В два часа дня, когда Ритка, включив воду, подставила своё тело под струи душа, Гришка решительно нажал кнопку Enter, отправляя заражённый файл всем родственникам Кривко. Вирус, словно саранча, при загрузке влезал во всевозможные программы, заражал их и уничтожал. Первыми вышли из строя все телефоны, затем компьютеры. Последним, что увидел Кривко на своем рабочем столе, было злое сообщение: «Привет из солнечного Таджикистана». После чего вся информация на всех носителях исчезла, словно её и не было никогда. Молодая жена бизнесмена после отключения всех её девайсов разревелась в голос. Из телефона и компьютера пропали все её фотографии, сделанные в отпуске за два года, все социальные сети и контактные теле-

фоны. Это была невосполнимая потеря, часть её жизни просто и безвозвратно исчезла. Сначала аноним прислал фотографию мужа с голой девкой в коробке с пиццей, а теперь кто-то стёр её лучшие воспоминания, включая все свадебные фотографии, для которых она худела полгода. Женщина чувствовала, как «льются ей чьи-то слёзки», поэтому, свернувшись калачиком на кровати, она рыдала, словно ребёнок.

12. Возвращение

Вечером, после совершённого, пусть и не по плану, акта возмездия, Рита отправилась в тренажёрный зал. Ей не терпелось узнать: ударит ли восходящий поток энергии в голову, если ни месть, ни победа не принесли удовлетворения? Переодевшись, Ритка взошла на беговую дорожку, включила музыку и зашагала. Котлета с диетической гречкой, съеденные два часа назад, до сих пор ощущались в желудке и теперь шагали вместе с ней. Если бы не бабушкина неусыпная забота, Ритка превратилась бы в ходячий скелет, ибо кроме йогурта, она почти ничего не ела, да и пила в основном один кофе. Иногда случалось, что она съедала суп в кафешке, если в меню был куриный, или жидкую кашу, но обязательно горячую. Вечером, дома, она частенько готовила себе омлет с помидорами – тоже дымящийся. Ей казалось, что скудное питание не обернется язвой, если хотя бы раз в день она будет питаться горячей пищей.

Немного пробежавшись, Ритка снова перешла на шаг. Нервное напряжение, вызванное негативными эмоциями, стихло, и мозг, пребывая в некой стабильной устойчивости, отказывался нагружать тело. Хотелось просто шагать в такт музыке и подпевать незатейливому мотивчику.

«Не знаю, стоило ли притворяться немой?» – размышляла про себя Ритка Бабушкина. «Наверное, стоило. Тогда я дей-

ствительно не хотела ни с кем говорить, вот не хотела, и всё. Да и сейчас не особо хочу. Может, оно и к лучшему? Может, молчание и вправду – золото?»

Девушка снова побежала, но через пару минут вернулась к ходьбе, напрягаться совсем не хотелось, и она стала рассматривать посетителей тренажёрного зала. Если раньше, уткнувшись в экран беговой дорожки, Ритка просто бежала, не поднимая глаз, то сегодня она смотрела поверх тренажёра.

В зале, кроме неё, пыхтели ещё пятеро. Самый крупный из всех, цепляясь ногами за фиксаторы, яростно качал пресс, совершая резкие подъёмы тела на наклонной скамье. Парочка парней более аккуратного телосложения, не обращая ни на кого внимания, цепляли блины на штангу для прокачки грудных мышц. И лишь двое тощих, прыщавых подростков, складывая гантели в пазы вертикальной подставки, украдкой, с нескрываемым восхищением, поглядывали на неё. Одного из них, в красных трусах, Ритка уже видела здесь не раз, а вот худого в серых коротеньких шортах и в узеньких серебристых очках на курносом носу – впервые. Скорее всего, юноша в красных трусах притащил товарища в тренажёрку, чтобы показать ему Риту в обтягивающем спортивном костюме, с крепкой девичьей попкой и красивой упругой грудью. Девушка невольно улыбнулась, поймав взгляд очкарика, который, вспыхнув пунцовыми щеками, уронил десятикилограммовый металлический диск на пол, который собирался передать своему нерасторопному приятелю. Оглу-

шающий грохот разнёсся по залу, словно раскат грома, но люди, привыкшие к лязгу железа, даже не повернули головы в их сторону.

Наконец, один из двух атлетичных парней, перестав колдовать над весом штанги, улёгся на скамейку и, сдёрнув её со стойки, стал поднимать и опускать, напрягая мышцы груди. Второй атлет встал рядом, готовый в любой момент подхватить падающую тяжесть. Ритке казалось, что они специально напрягают тело, играют мышцами перед ней, не делая упражнение должным образом. Этот фарс продолжался до тех пор, пока штанга, при передаче из рук в руки, едва не рухнула на лежащего на скамье, и показуха прекратилась.

Рита попыталась побежать снова, но раздумала. Похоже, вчерашние пилюли были виной всему. «Сколько ни упрашивай, сил для рывка нет. Проклятые таблетки сковали тело цепями», – объясняла Рита своё нежелание бежать быстрее.

Девушка в очередной раз подняла глаза выше тренажёра, теперь она вглядывалась в лица посетителей. Ни один из пятерых, тягавших железо, не зацепил её, даже этот мускулистый увалень. «У Гришки тоже торс будь здоров, пусть и скромнее, но мозг у него точно мускулистый. Он умный. Если бы не...» – Ритка одёрнула себя, боясь допустить мысль о нём как о мужчине, а не как о друге. «Друг... Да, так легче, честнее». Но в глубине души Ритка симпатизировала Грише. Она ловила себя на том, что тонет в его юморе, бархате голоса, живых, чёрных глазах. Если бы только он мог ходить...

Но разве он виноват в своей беде? Разве он не такой же, как она, как этот качок, напротив? Разве он не чувствует, не понимает, не любит? Теперь она такая же, как он... Она немая. Не как все. Ей захотелось прокричать на весь зал: «Я могу говорить! Я такая же, как вы!». Но вместо этого Рита лишь прибавила ходу, заставляя себя дышать глубже. «Сперва – дело. Остаётся один цветок, а основное напряжение уже снято, но остановиться сейчас – это заглушить месть на время, загнать глубже до очередной вспышки ярости. Нет, нужно довести начатое до конца, до логического и окончательно».

При этих мыслях в голове Риты всплыл образ мамы: её смех, её добрые глаза, ласковые руки, дети, обнимающие её... Снова Гришка, которому не успели помочь... Девушку охватила такая печаль, такое отчаяние, что, нажав на рычаг скорости, она понеслась, едва касаясь дорожки, а волна энергии, рождённая в ступнях, хлынула по позвоночнику вверх, к самой голове. Рита замерла в предвкушении энергетического взрыва, вспышки и ощущения невесомости... Как увидела, что очкастый парень в серых шортах, расположившись на скамье, потянулся за штангой, собираясь подкачать свою впалую и хилую грудь. Тощий друг в красных трусах встал рядом с ним, готовый, видимо, страховать его от случайного падения спортивного снаряда. Ритка видела, как они до этого долго мудрили с весом, нанизывая металлические блины на гриф. Юноша в серых шортах сдёргнул штангу с фикс-

саторов, руки его затряслись, согнулись в локтях под непосильной тяжестью. Парень в красных трусах бросился на помощь, схватился за гриф, пытаясь впихнуть его обратно в пазы стойки, но лишь застыл, вцепившись в холодный металл побелевшими пальцами. Лицо его вытянулось, побагровело от натуги.

Ритка в секунду сорвалась с дорожки, подлетела к ним, успев лишь подставить согнутую ногу, принимая удар на себя, перед тем как штанга выскользнула из окоченевших пальцев. Один край обрушился на её колено, а второй, пролетев в опасной близости от головы в сверкающих очках, с грохотом рухнул на пол. Штанга, словно огромная чугунная гиря, покатилась по колену, и Ритка, схватившись за гриф руками, отчаянно пыталась остановить её. «Уйди с лавки!» – прокричала она, прежде чем металлические диски врезались ей в живот, сбивая с ног. Тело её обмякло, рухнуло на скамью, с которой едва успел сползти очкарик, и боль, словно разряд тока, пронзила позвоночник от копчика до затылка. На мгновение у неё перехватило дыхание. «Всё, спине конец», – пронеслось в голове.

Штангу быстро сняли с её груди, бережно переложили Риту на пол. Она с недоумением смотрела на пять склонившихся над ней встревоженных мужских лиц.

– Вызывайте скорую. Чего ждёте? – заверещал парень в серебристых очках.

Остальные молча посмотрели на него, потом снова на Ри-

ту. Девушка не знала, нужна ли ей скорая или нет, она лежала, боясь пошевелиться – вдруг ноги отказали?

– Да вы чего застыли, время-то идёт! А если перелом позвоночника? – не унимался очкарик. – Вы же видели, как она грохнулась!

Ритка, преодолевая ужас, осторожно согнула ногу, прижавшую на себя удар, и, собравшись с духом, приставила к ней вторую. Пять склонившихся над ней лиц с шумом выдохнули воздух из лёгких.

– Больно двигать ногами? – с тревогой спросил качок в майке.

– Нет. Кажется, я цела, – прошептала Рита. – Скорую не надо. Говорить громко не могу, операция на связках. Поднимите меня, пожалуйста.

Ритку подняли, усадили. Она осторожно повела плечами влево, затем вправо – всё функционировало.

– Спасибо, я в порядке, – едва слышно произнесла Ритка и направилась, покачиваясь, в раздевалку. Её догнал парень в очках, сунул в руки телефон, наушники.

– Спасибо вам, Рита! Если бы не вы, я остался бы калекой на всю жизнь! Я буду помнить о вас и молиться за ваше здоровье... каждый день!

Ритка лишь кивнула, обняла парня и легонько коснулась его щеки губами.

– Обещай мне беречь себя, – прошептала она.

– Обещаю, – так же тихо ответил он.

В раздевалке Рита тяжело опустилась на скамейку, вытянув дрожащие ноги. Спина болела ужасно. Не переодеваясь, Ритка натянула свитер прямо на спортивную форму. «Сгоняю к бабушке, она врач – пусть спину посмотрит, – решила она. – И ничего, что зубной, отклонения от нормы наверняка заметны невооружённым взглядом любому доктору. Может, и мазь какая спасительная найдётся...». Цепляясь за дверцу шкафчика, Рита поднялась. «Как сейчас поведу машину? Может, лучше такси вызвать?» Выйдя на улицу, у дверей тренажёрного зала она снова столкнулась со своими прыщавыми фанатами. Юноши так же оставались до нелепости худыми, даже накинутые куртки и надетые джинсы не прибавляли им объёма.

– Рита, мы бы хотели вас проводить... Вещи донести, если можно, – выпалил парень в очках, стараясь выговорить все слова разом.

– Ребята, я на машине, – произнесла Ритка. Она твёрдо решила, что в эту тренажёрку больше ни ногой – её авантюра с ролью немой спортсменки с треском провалилась, а оправдываться и объяснять что-либо совсем не хотелось.

– Ну, если у кого есть права, то я бы с удовольствием поехала на пассажирском сиденье.

– У меня есть! – выкрикнул очкарик. – Только дома, но я могу сбегать.

Ритка ещё раз посмотрела на излишне худощавого подростка. Второй раз испытать судьбу вблизи этого везунчика

ей не больно хотелось.

– Нет, спасибо, я сама... Мне тут недалеко, – ответила она и закинула сумку на заднее сиденье машины.

– Спасибо вам ещё раз, Рита. Если бы мне проломило голову, шею или сломало руку... Мама бы не пережила. Я у них поздний, единственный ребёнок. «Отрада» – так мама меня зовёт. Спасибо вам ещё раз! А как ваша фамилия, Рита? Хочу запомнить её.

– Бабушкина. Маргарита Бабушкина. А тебя как? – девушка перешла на ты, потому что была явно старше. – Ведь ты в тренажёрном зале оказался случайно?

– Я Илья Ведерников, а это Петька, мой одноклассник – это он меня сюда затащил. Я, вообще-то, музыкант, скрипач. На днях в Москву еду на конкурс, вот и решил немного тело и руки подкачать.

– Илья, руки скрипача должны быть гибкие, подвижные, мышцы эластичные, а не две накачанные гантели. Брось ты этот спорт и займись музыкой, на пенсии гантельки потягаешь. Я вот программист и не собираюсь гробить свою молодость на монотонные рывки и приседания. Больше в зал ни ногой, у меня есть дела и поважнее.

– Я тоже, – улыбаясь, ответил парень. – Сегодня первый раз пришёл и понял – не моё это, совсем не моё.

– Ну, бывай, Илья. На твой первый сольный концерт жду персональное приглашение, – девушка протянула руку для пожатия.

– Хорошо, Рита Бабушкина, я обязательно вам позвоню! Я вам так благодарен! – парень сжал её ладонь своими костлявыми пальцами.

– Обещай мне просто беречь себя.

– Обещаю.

Рита высвободила руку и аккуратно села за руль. Тело ныло так сильно, что Ритке стало казаться, что позвоночник, определённо, треснул в нескольких местах. Но девушка завела машину и поехала, чтобы фанаты, толпящиеся за окном, отправились, наконец, домой.

Бабушка, увидев синяки и ссадины на теле Ритки, ахнула, ощупала её, повертела руки и ноги в разных направлениях, после чего уложила на диван и намазала тело несколькими мазями, чтобы царапины зажили, а гематомы рассосались. Надев на Риту корсет, который когда-то спасал её саму во время мучительных прострелов в спине, она расстелила диван в гостиной и оставила внучку ночевать у себя. Девушка и не возражала, спина болела не по-детски. Выпив обезболивающее, Ритка блаженно растянулась на свежестеленной постели. «Как же всё-таки хорошо, когда рядом есть люди, которые позаботятся о тебе, обогреют, накормят, вылечат». Ритка снова вспомнила маму, в свои девятнадцать ей ещё так хотелось быть ребёнком. Пусть взрослым, стремящимся к самостоятельности, но ребёнком. Рита ещё немного поворочалась, нашла положение, в котором боль казалась терпимее, закрыла глаза и провалилась в сон.

Гришка, засыпая, улыбался. Завтра он увидит Риту, её огромные серые глаза под длинными пушистыми ресницами, её смешные, взлетающие от удивления вверх брови, услышит заразительный смех и мелодичный низкий голос — она такая живая, такая настоящая. И теперь, когда ей плохо и одиноко, Гришке как никогда хотелось защитить её, укутать заботой, сделать счастливой, вот если бы только он мог ходить... Но эти неподвижные деревянные ноги рушили любые его планы, глубоко хороня мечты.

В эту ночь Рита спала плохо. Она ворочалась с боку на бок и, измотав себя вконец, под утро, удобно устроившись, всё же уснула. Проснувшись она к обеду, быстро позавтракав, щедро намазала те же места теми же мазями, что и вечером, и отправилась домой. Бедный Мотя, почти двое суток пребывавший в гордом одиночестве, как только дверь открылась, от радости чуть не запрыгнул девушке на руки прямо с пола. Встав на задние лапы, он передними, опираясь на Риткины ноги, умоляюще просился на руки. Она бы и рада наклониться и поднять кота, но спина, скованная корсетом, не давала согнуться крюком. Сбросив кроссовки, девушка прошла в комнату, осторожно опустилась на диван и вытянула ноги, кот тут же прыгнул ей на колени. Мотя был на седьмом небе от счастья, он до беспамятства любил Ритку. После пятиминутного поглаживания и лобызания Мотя затих на коленях у девушки, не желая её отпускать.

Рита легонько откинулась на спинку дивана и попыталась

расслабить спину, получилось не очень, боль прокатилась по всему телу, но это была знакомая боль, уже привычная.

«Сегодня обещала к Грише зайти, может, отказаться? Хотя одной-то дома тоже чего сидеть. Схожу ненадолго, чаю попью с пирожными и домой, сразу спать. Подготовка ко сну у меня теперь долгая, основательная, а завтра, глядишь, спине и лучше станет».

Девушка села за компьютер. Мотя, недовольный тем, что его сбросили с колен, устроился рядом. Запустив программу, Рита вбила в поисковую строку точные данные — Гиляров Макар Константинович. В памяти остались обрывки недавнего разговора: молодая жена, дочь и то, что мать осталась жить с бывшей женой. Facebook выдал лишь скудные, обрывочные сведения о Магике: соболезнования по поводу смерти матери, слова поддержки после развода и раздела ипотечной квартиры, замужество бывшей жены, рождение внучки. Интернет — великая вещь, из него можно выудить множество фактов о чужой жизни, не тревожа её обладателя. Особенно если человек — фигура публичная и постоянно находится на виду.

А когда multifunctional программы войдут в полную силу, то на каждого смертного заведут электронное досье: работа, увлечения, друзья, тайные пороки, заветные слабости. Эта цифровая летопись станет обрастать подробностями, словно живая плоть, пока сама смерть не оборвёт тонкую нить — ведь интернет помнит всё. И, быть может, одна-

жды, устав от суеты, от компьютерной мишуры, от фальшивой откровенности социальных сетей, люди снова потянутся к настоящему: к шёпоту кулис, к шороху книжных страниц, чтобы чувствовать, думать, мечтать и смотреть на звёзды. А пока — на весь компьютерный век Ритки хватит человеческой жажды игр, сплетен и самолюбования. Девушка закрыла крышку ноутбука и стала собираться в гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.